

АНАСТАСИЯ МАКСИМЕНКО

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ. ОБОРОТНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Максименко
Очаровательные.
Оборотни. Двухтомник
Серия «Очаровательные.
Однотомники», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69320245
SelfPub; 2023*

Аннотация

Две истории под одной обложкой! 1. Барс. Знала ли я, в какую ситуацию вляпаюсь, если последую за своей мечтой? Определенно, нет. Знала ли я, что снежные котики — это не просто очаровательные, милые звери? Совершенно и точно, нет! Но если оглянуться назад и задуматься: а если бы все же знала, сделала бы шаг вперед? Хм, можно подумать? Ну, пожалуйста! 2. Медведь. Я и не подозревала, что бывают такие мужчины, как он. Сильные, язвительные... надежные. Подчиняющие лишь взглядом иронично прищуренных янтарных глаз. Вот только я так просто не сдамся, не упаду к вашим ногам, мистер Чертова Карамель. Мы еще посмотрим, кто из нас выйдет победителем, а кто проиграет.

Содержание

Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	72
Глава 7	87
Глава 8	103
Глава 9	118
Глава 10	132
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Анастасия Максименко

Очаровательные.

Оборотни. Двухтомник

ПЕРВАЯ КНИГА ЦИКЛА «ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ. ОБОРОТНИ» – «МОЙ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ СНЕЖНЫЙ БАРС»

ГЛАВА 1

– Доченька, ну, может, ты все-таки останешься? Вот куда ты собралась?!

Я чуть раздраженно повела плечами и устало вздохнула, положив в походный чемодан еще одну очень нужную вещь.

Очень нужную, ага. Теплые трусики на меху и — о! Фонарик!

Фонарик так-то поважнее трусиков будет. Даже если эти самые трусики на меху!

Повернувшись боком, хмуро взглянула на матушку, передразнив:

– Куда, куда. На кудыкину гору, мам!

И, сложив в чемодан очередную попавшуюся под руку крайне нужно-важную вещь, даже не посмотрев, что именно положила, уже спокойней, словно маленькому вредному ре-

бенку, ответила:

– Мам, мы это уже обсуждали. Я не могу отказаться. Я должна поехать. Я к этому готовилась пять с лишним лет!

И, взглянув на помрачневшую, довольно-таки стройную и очень даже ничего такую женщину, закатила глаза, понимая. Бесполезно.

Даже не так. А очень и очень бесполезно ей что-либо сейчас говорить.

Не услышит.

Не-а.

Старалась не смотреть на умоляющее и местами даже угрожающее выражение лица матушки, ибо рисковала сделать огромную глупость:

Передумать!

А этого делать было никак нельзя. Либо же наоборот: когда это самое лицо принимало именно угрожающее выражение, взорваться и высказать все, что накопилось!

В общем, набрав в легкие побольше воздуха и медленно выдохнув, широко улыбнулась, складывая еще несколько полезных в дороге вещей. На этот раз смотрела в оба глаза, что именно беру и, довольная собой, уселась на диван.

Вот совсем не удивилась, когда мама не упустила очередной — только за эту долгую неделю, — шанс отговорить меня от поездки.

Ха! Отговорить Лару Котикову от своей мечты? Это надо быть самоубийцей. Ну, или мамой, чем она, зная о моем по-

ганом характере, нагло пользовалась.

Пытаясь сделать что? Правильно. Поручить на корню все, к чему я так долго стремилась.

Вы хотите спросить: «А что, собственно, происходит? С чего весь сыр-бор и пожар в доме?»

А вот в чем.

Дело в том, что я альпинистка. Ну, альпинистка конечно, сказано слишком громко и гордо. Просто мои навыки еще не слишком-то прошли испытание временем и опытом.

Но! Это моя мечта, и вот от шага к исполнению этой мечты и пытается удержать моя собственная матушка.

Почти шесть лет назад я заинтересовалась темой альпинизма, скалолазания и всем, что с этим связано.

Преодоление ледниковых трещин? Почему нет? Снежные склоны? Еще бы! Скалолазание? Скальные крючья берем и вперед!

Для начала, когда твердо выбрала именно подобный вид спорта для себя, записалась на специальные курсы. Отучилась три месяца, затем специальная школа.

И вот полгода назад я ее окончила, и можно сказать почти с полной гордостью: я – альпинист!

Моя мечта, а точнее — ее старт, на самом деле сбыточная и не совсем далекая. Всего лишь покорить одну из самых больших гор нашей страны — Альтарину. И как раз в эти ближайшие дни и начинаются мои хождения «Магомета к горе!»

Ух, как волнительно!

Довольно потеряв ручки в предвкушении поездки, которую ждала очень долго, бегло осмотрела вещи, мысленно делая заметки, чего еще такого взять, и собиралась выйти из комнаты, как путь преградила мама, гневно сунув глаза:

– Ты никуда не поедешь! Это мое последнее слово. Разговор окончен! – не хуже злобной кошки, даром что Котикова, зашипела моя дражайшая матушка.

Недовольно на нее покосилась, но ничего не сказала, ибо это тоже было бесполезно.

По крайней мере, в ближайший час.

Госпоже Котиковой надо остыть.

И стакан с холодной водой, мирно стоявший на тумбе, принимал уже другое значение.

М-да.

Тряхнув волосами, мило ей улыбнулась, предварительно спрятав хищную улыбочку — это я помнила про стакан, — мягко оттолкнула ее со своего пути, протискиваясь.

И не заметила, как ранее злобно суженные темно-серые, как у меня самой, глаза широко распахнулись от моей вопиющей наглости.

Хихикнув, щелкнула по кнопочке включения чайника, уже предчувствуя терпкий привкус кофе.

А кофе страсть как хотелось.

Под возмущение сопение Лизаветы Котиковой, то бишь моей мамочки, сделала несколько маленьких бутербродов с

колбаской и, не оборачиваясь, деловито уточнила:

– Кофе? Чай? Что-то покрепче?

Мамочку перекосило. Сильно так перекосило.

Она, сложив руки на груди, прищурившись, фыркнула, но все же соизволила буркнуть, что будет кофе, и с лицом оскорбленной невинности уселась за барную стойку.

Сделав нам по чашечке кофе, водрузив вкуснющие бутербродики на длинный столик барной стойки, уселась напротив, невозмутимо откусив кусочек.

Мама продолжала гневно сопеть и сверлить меня нехорошим взглядом, от которого ее подчиненные часто вздрагивали и вжимали голову в плечи. А совсем неподготовленные и вовсе могли упасть в обморок или подавиться слюнями, да.

И вот мадам Котикова так же сейчас попыталась и меня «прибить» своим фирменным взглядом.

Ха! Не-а, не выйдет. Это даже смешно! Я ее дочь или где?

Такие взгляды на меня не действовали аж с семнадцати лет, когда и пошла в альпинизм и научилась с боем отстаивать те самые мечты.

Отпив маленький глоток обжигающего бодрящего напитка, вздохнула, предчувствуя нелегкий новый бой с мамочкой и, смело улыбнувшись, твердо произнесла:

– Мам, ты меня не отговоришь! Давай не будем, пожалуйста, портить друг другу замечательный день. Ты прекрасно знаешь, как я давно мечтала поехать к Альтарине. Сколько

трудов стоила моя подготовка!

Заметив, что мои увещевания не помогают, досадливо скривилась, возмущенно воскликнув:

– Да у меня даже корочки медсестры есть! Первой категории, между прочим! Не говоря уже о корочках об окончании школы альпинизма и скалолазания!

Мама, сморщив нос, тяжело выдохнула. Ага! Сдалась! И наконец-таки отпив кофе, тихо и как-то отчаянно, отчего мне даже на секундочку стало стыдно, проговорила:

– Я знаю, родная. И про корочки твои и про категории. Сама же возила на эти курсы. Платила. Так! Не криви свой хорошенький носик. Да! Сама возила и платила. А затем забирала, тоже сама! Я мать или где?! Мне ли не знать, сколько и чего тебе стоило и о чем ты мечтаешь, Лара? Но я...

Она запнулась и, передернув плечами, нервно откусила кусочек бутерброда, тщательно прожевав. И явно не выдержав, придушенно выпалила:

– У меня плохое предчувствие, Лара. Мне кажется, если ты поедешь к этой своей Альтарине, можешь обратно не вернуться. Ко мне не вернуться, Лара. И не надо тут скептически двигать брови. И губы тоже!

Смешливо фыркнула. Но столкнувшись с потяжелевшим, грозным взглядом матушки, смутилась, невольно поежившись.

Да уж, взгляд маман крайне тяжелый. Я говорила, что не каждый выдержит? Ну, кроме меня. Так вот. Я тоже, как бы,

не всегда могла.

– Пожалуйста, дочь, – снова сменила тактику Лизавета Котикова, на этот раз на умоляющую, ага. – Давай, ты поедешь хотя бы в другой раз.

Грустно вздохнув, выдохнула в чашку, пряча свое легкое разочарование этой маленькой семейной ссорой.

Нет. Так дело не пойдет, Лара. Котиковы не прячутся и не сдаются!

Отрицательно покачав головой, чем еще больше расстроила матушку, осталась непреклонной.

Предчувствие предчувствием, но я сама-то чувствовала, что к горе мне надо ехать как раз таки сейчас.

Вот прямо в ближайшее время.

Иначе могла потерять нечто такое, о чем буду жалеть всю оставшуюся жизнь.

А этого уж точно не хотелось.

Но вот в чем вопрос. А если бы я знала, что на самом деле меня ждет, оставалась ли я такой же непреклонной?

Поехала бы?

* * *

Проснулась от спящего солнечного света и, со вкусом потянувшись, первым делом покосилась на маленький настенный календарик, счастливо вздыхая.

Уже скоро я буду в Ранейске! Небольшой, вечно утопающий в снегах городок.

Прекрасный и уютный.

И снега его совсем не портили, а наоборот — приукрашали. Там было ну очень хорошо и как-то волшебное, что ли.

В Ранийске создавалось впечатление, словно с головой окунулся в сказку. На секундочку прикоснулся к чему-то необычному. Яркому и прекрасному.

Вот странность-то. У нас солнечное жаркое лето, а в Ранийске постоянная зима.

Почему так происходило? Это одновременно и просто, и сложно объяснить.

Так получалось как раз из-за близко расположенных к городу снежных гор. И да, да, моей мечты — огромно-чарующей и опасной Альтарины.

Эта гора была самая большая и величавая в нашей стране. Хотя я слышала, что в где-то в Артине — стране в северной части нашего мира, — имелась гора и побольше Альтарины.

Заманчиво, правда?

Ну, а пока у меня была четкая цель: покорить именно эту гору, о других я и вовсе не думала.

Вот по-о-осле моего, скажем так, личного достижения можно будет и подумать.

А пока, хватить мечтать!

Перевернувшись на живот, выгнулась в позе кошки и, услышав хруст позвонков, тихо рассмеялась, глубоко в душе радуясь, что дома одна.

Иногда чувствую себя маленьким, несмышленным ребенком. Даром, что взрослая девушка двадцати трех лет от роду.

Но иногда же можно побыть и ребенком, правда?

Особенно когда никто не видит.

И никто не сморщит нос, грозя отшлепать по попе за мое вопиющее нахальство и пренебрежение к правилам нашего с мамой семейного гнезда.

И не надо так удивляться!

Матушка могла и в мои нынешние года спокойно шлепнуть по мягкому месту. И плевать ей на мой возраст. Да хоть сто лет! Если, по ее мнению, ее непутевая дочь сделала что-то не так.

Повернувшись на спину, уставилась в потолок, сморщила нос и погрозила пальцем, стараясь с точностью передать голос матушки, гнусаво перекривив:

– В доме пальцами, суставами, и так далее и тому подобное, не хрустеть! На столе не сидеть! Туда не ходить и там не дышать!

Ну, про «не дышать» — это я, конечно, преувеличила, но про педантичность мамочки — нет. Несоответствие ее ожиданиям или нормам чего-либо вызывало у нее праведный гнев.

А в гневе госпожа Котикова-старшая была страшна.

Мне ли это не знать?

Расхохотавшись в подушку, покачала головой. Ну, точно ребенок. Эх, Ларка! Это хорошо еще, что дорогая матушка не взялась за твою личную жизни. Угу. Замужество. И не

стала подсовывать потенциальных женишков.

Хотя, если знать матушку.

Ужас, ужас. Ну, нет. Замужество — это не про меня. По крайней мере, пока не встретится тот, с кем захочется разделить горести этого самого замужества.

Вот сказал же кто-то шибко умный: «Хорошее дело браком не назовешь!»

Не то чтобы я тоже так считала, но вот что-то есть в вышеупомянутом высказывании.

Сморщив нос, задумчиво почесала макушку, буркнув:

– Этого еще не хватало. Тогда точно придется бежать в другую страну и очень долго скрываться, молясь, чтобы маман не нашла. А она может.

Хорошее настроение как ветром сдуло.

Вздыхнув, поднялась с постели, любовно подтолкнув не до конца закрытый походный чемодан под кровать.

Наскоро умылась, помяла пальцами свои медные до лопаток и слегка выющиеся на концах волосы с легким оттенком рыжинки, закрутила их в высокую шишку, довольная собой, потопала завтракать.

Завтрак — это святое! Завтрак пропускать никак нельзя!

Негласное правило всех тех, кто ведет здоровый образ жизни и, хотя сама тот самый здоровый образ жизни особо и не вела, но придерживалась.

Так что с правилом «Обязательного утреннего завтрака» была солидарна.

На стеклянной плите нашлась моя любимая, но, к сожалению, уже порядком остывшая овсянка, заботливо приготовленная Лизаветой Михайловной и заставившая меня умильно улыбнуться. То, что она, каша, была холодной — это, конечно, печально. Но не критично.

Мысленно махнув рукой и напевая под нос веселую песенку, разогрела свой завтрак и, плотно покушав, жизнерадостно широко улыбнулась.

Особенно широкой моя улыбка стала, когда зачеркнула жирным крестиком еще один день на календаре и умиротворенно погладила пальчиком обведенную в кружочек дату моего отбытия.

Поездка была запланирована на ближайшие выходные, до которых осталось всего несколько рабочих дней.

За это время мне надо было привести в порядок рабочую документацию и совершить передачу всех полномочий на время моего длиннющего, аж в целых два месяца, отпуска.

Ух!

Вы хотите спросить: «Почему так много дней отпуска?»
Заслужила!

Я целых два года, как устроилась в одну из самых крупных компаний нашего города, работала без отпуска и почти без выходных.

И ладно, что та самая крупная компания была нашим семейным делом. Директором которой и являлась моя матушка. А я сама, еще со времен последнего курса университета,

занимала должность ее личного помощника.

Мельком взглянув на часы, подсчитала, что до начала рабочего дня оставалось чуть больше часа и, достав планшет, сверилась со своим графиком, радостно улыбнулась. До моего отъезда все оставшиеся рабочие дни будут проходить во вторую смену с двенадцати часов дня.

Прекрасно!

Нет, вы не подумайте. Ленивой я отродясь не была. Но и жаворонком, к сожалению, тоже, всегда, сколько себя знала, любила поспать.

Увы, у каждого из нас есть недостатки. А у кого их нет?

По секрету... Только те-с! Мой самой большой недостаток как раз таки и заключался в моей великой нелюбви к первым рабочим сменам, которые начинались... о, ужас! С восьми часов утра. А приезжать в офис всегда требовалась хотя бы за полчаса до этого времени, дабы успеть подготовить на подпись документы, договора, отчеты и удостовериться, что с графиком работы директора все в порядке.

То есть, все идет по плану.

Так что да, новость о том, что до отпуска у меня будут вторые смены, несказанно меня порадовала.

Не слишком торопясь, собралась на работу, выбрав из одежды черные строгие брючки и удлиненную рубаху глубокого синего цвета.

Волосы решила оставить распущенными, тщательно их расчесав. Только слегка собрала с висков, закрепив на затыл-

ке маленькой бесцветной резинкой, чтобы в глаза не лезли. Тихо внутренне радовалась тому, что в нашем офисе не было строгого, четкого дресс-кода.

Единственное требование к сотрудникам фирмы: никаких шорт. За шорты у нас можно было и штраф получить. И никаких чрезмерно коротких юбок и платьев.

А так, носи что душе угодно.

Джинсы? Пожалуйста. Брючки любой расцветки? Почему нет. Толстовка? И ее можно! Главное, чтобы не на официальных встречах.

В общем, работу я свою ценила — как не ценить? Особенно если это твое — семейное. И любила.

Как не любить, если можно надевать любые понравившиеся и дорогие сердцу вещички?

Ну, вы понимаете, да?

Покрутившись перед зеркалом в прихожей,хватила сумку-конверт, сунула ноги в черные слипоны — и я готова!

И даже настроение на градус полтора повысилось!

Улыбнувшись своему отражению, вылетела из квартиры, аки маленькая медная птичка-колибри.

Работа ждать не будет. Тем более — такое важное дело, как передача документов перед долгожданным отпуском.

Глава 2

– Я уже здесь! – истошно прокричала, залетая в стеклянные двери и распугивая опешившую от моего эффектного появления сонную охрану, ждущей у корпоративных лифтов моей подруге Алинке.

Подруга, по совместительству наш специалист HR отдела, от неожиданности дернулась и, оторвав взгляд от кнопок смартфона, которые она усердно давила до моего появления, недоуменно посмотрела в мою сторону, а заметив надвигающуюся как танк меня, изумленно округлила глаза, испуганно икнув.

И да, я ее сейчас очень хорошо понимала.

– Лара, это что за вид? – громко прошипела Алинка, хлопнув длинными ресничками, когда я поравнялась с ней.

Я только угрюмо вздохнула. Что тут скажешь?

Она раздосадовано покачала головой, покосившись на такие, же как у меня самой, белые дорогие часики — подарок нам с ней от моего папочки, лично привезенный из-за границы, — недовольно цокнула языком, входя в гостеприимно раскрывшиеся двери лифта.

Повернувшись к помятой мне, оглядела с ног до головы, поморщившись, буркнула:

– Внешний вид — это поправимо, подруга. Но то, что ты

опоздала, Лара, – сокрушенно качала она головой. – Вот надо было тебе опоздать именно сегодня! Никогда не опаздывала — и на тебе.

Подругу, честно сказать, слушала вполуха.

Все это время, пока лифт поднимал нас на десятый этаж, я уныло рассматривала свой непрезентабельный вид в зеркальных панелях кабины. На каждую реплику подруги механически кивала головой и морщилась.

Да, внешний видок у меня был тот еще. А-ля мокрая курица. Но и Алинка была права. Я действительно за все время работы в «КотоффИнкорпорейшен» ни разу не опаздывала.

И не потому, что мне этого не хотелось сделать. И нет, не потому, что рассчитывала от своей матери на такой подарок, как снисхождение при опоздании.

Об этом можно было даже не думать.

Нет. Просто я банально считала любые опоздания — и неважно, рабочие или личные, неуважением к коллективу, человеку и так далее. А в первую очередь, неуважением к себе самой и своему личному времени.

Так что, непунктуальных я сама жуть как не любила.

И вот надо же, такое событие! Лара Котикова опоздала! И куда? На работу!

Но, что самое обидное, даже не по своей вине!

А из-за какого-то уroda!

Достав из сумочки влажную салфетку, в который раз попыталась оттереть грязные пятна с блузки.

Безрезультатно.

Что ж, этого следовало ожидать. Увы, ткань уже не подлежала восстановлению. Придется выбрасывать.

Блин! Это что ж получается, если у Алины не найдется подходящей замены испорченному... Мне что, весь день та-а-ак ходить?!

Позорище, Лара. Позорище на наши седины. И ладно, что их пока нет. Седин этих. С такими делами недолго им и появиться. Ужас!

– Что с тобой вообще произошло? – оторвал меня от чистки и мысленных метаний возглас Алинки.

– Да хватит уже тереть! – взвизгнула она. – Видно же, что уже не поможет.

Тут она была права. Скривившись от отвращения, кинула испорченную салфетку в специальную урну, установленную в лифте, раздраженно дернула плечом, вспоминая свой фееричный выход из нашего дорогого многоэтажного дома с кучей охраны и шлагбаумами.

Ага, особенно охраны. Вот где они были, а?

Зло выдохнув, да так, что испугалась, как бы пар с носа и ушей не повалил, сухо пересказала, что, собственно, успело произойти.

А случилось вот что.

Вчера вечером, к всеобщей людской радости и моему сегодняшнему огорчению, за очень долгое время полил довольно-таки сильный дождь. И понятное дело, возле нашего

дома образовалась здоровенная лужа, не успевшая за утро подсохнуть под ярким и жарким полуденным солнцем.

Не. Успела. Подсохнуть! Под жарким солнцем!

Нет, ну. Где справедливость, спрашивается?!

А я отвечу! Нет ее!

Так вот. Стоило мне выйти, такой красивой, из подъезда, как тот самый вышеупомянутый урод на черном «Лексусе» (да, да, я успела заметить, пока стирала грязную воду со своего лица) окатил меня — слава богу, успевшей все же чуть нагреться, — той самой водой из грязной лужи.

И даже не остановился. Овец этакий!

Как сказал бы, а еще не упустил бы момент громко расхохотаться над своей же шуткой, мой папочка:

— *Какая машина, такой и владелец.*

А еще обязательно процитировал старый бородастый анекдот:

— *Дорогая, я назвал нашего кота Лексус.*

— *Ты д-дятел?*

— *Нет. Но зато теперь у нас будет свой Лексус.*

— *Угу. И дятел.*

Так вот. Тот урод и есть тот самый д-дятел! Машину купил, а ездить так и не научился.

Блин!

Алинка с непроницаемым лицом — ага, она может, — выслушала историю моего приключения и, не сдержавшись, громко расхохоталась и даже не дернулась от моего обижен-

ного тычка в бок.

Отсмеявшись, подруга улыбнулась:

– Не повезло тебе, Ларка.

Она, хитро прищурившись, развела руки в стороны, предварительно отскочила, зараза такая, и ехидно пропела:

– Ну, не все ж коту Котиковой Масленица.

Я возмущенно открыла рот, собираясь поинтересоваться: «И где ж у меня, интересно, была эта самая Масленица?», как Алинка, посерьезнев, произнесла:

– Но то, что ты опоздала именно сегодня... Ох, Лара... Тут такое.

Мы, уже чистые и переодетые, – слава богу, у подруги нашелся подходящий рабочий костюм, — подошли к приемной, моему непосредственно рабочему месту, когда оттуда раздался гневный вопль моей родительницы.

Мы с подругой замерли на полушаге, а я недоуменно посмотрела на чуть приоткрытую дверь, не понимая, что могло вывести из себя железную и сдержанную леди Котикову, которая и кричала-то крайне редко.

Очень редко.

Ей просто этого не требовалось. Один взгляд серых глаз — и любой поставщик или заказчик, будь он мужчиной, терялся как маленький мальчик, а если женщина, то... хи, тоже.

Сглотнув от плохого предчувствия, с опаской посмотрела

на подругу. Она, встретившись со мной взглядом, прошептала:

– Собственно, это то, что я хотела сказать.

– Да как он посмел?! – рычала моя матушка.

– Лизавета Михайловна, ваш муж имел на это полное право, – мямлил главный юрист нашей корпорации — Лисанов.

– Да что ты?! – съязвила маман. – Это семейный бизнес! А ты что молчишь, Даринков, а?! Язык в жо... засунул и думаешь, тебя все это обойдет?

– Я не думаю, – спокойно ответил Даринков, глава безопасности «КотоффИнкорпорейшен». – Я...

– Я, я, головка от... сам знаешь чего! – ехидно-зло передернула матушка. – Да ты вообще никогда не думаешь! Вот тебе и я! Как мы могли такое допустить? Как?!

– Что происходит, Алина? – тихо спросила у подруги, с опаской подходя ближе к двери приемной.

– Вон! – неожиданно рявкнула мать.

И только я успела отскочить в сторону, как двери широко распахнулись, ударившись о стенку, и меня чуть не снес с ног бледный и взъерошенный Лисанов. Только и успела утащить подругу за локоть и прижать к стене, а то пришлось бы скорую помощь вызывать или МЧС, чтобы нас от пола отодрать.

За ним спокойной походкой и с каменной маской на лице вышел Даринков, осторожно прикрыв за собой двери.

Вот кто всегда само спокойствие и невозмутимость — Даринков.

Обернувшись, безопасник подмигнул бледной Алинке, со всей серьезностью обратившись ко мне:

– Мне жаль, что так получилось, Илария Владимировна, действительно жаль.

Глава безопасности скрылся с наших глаз, а я, сглотнув, повернулась к подруге:

– И что это было? О чем это он?

– Думаю, тебе лучше самой все узнать у Лизаветы Михайловны, – задумчиво прошептала Алина.

Партизан! И ведь знает же, в чем дело.

Вздохнув, кивнула:

– Иди работать, Алин. Если будет свободная минутка, я тебе позвоню. Может, кофейку попьем.

– Где носит эту девчонку?! – рыкнуло из директорского кабинета.

И я даже на миг засомневалась, а мамочка ли это? Может, медведь-шатун, а мы и не знаем?

– Ага, договорились, – быстро проговорила подружка уже на подлете к лифту. – Только позвонить не забудь! – она хихикнула. – Интересно же узнать, чем все закончится.

– Интересно ей, – фыркнула. – Мне тоже интересно было бы узнать, желательно из безопасного места. А сейчас, – покосилась на дверь, – страшновато как-то, знаете ли, идти в логово к зверю.

Но кто, если не я?

– О, явилась, – ядовито прошипела Лизавета Михайлов-

на, стоило переступить порог ее кабинета. – Опаздываешь, Илария. И это моя дочь? Так я тебя воспитывала?

Я, устало вздохнув, опустила глаза. Началось. Н-да. Мамочка была не просто не в духе, она была в редкой формы ярости. И судя по тому, что удалось услышать, виноват мой отец. Наверное.

– Что произошло, мам?

– Не мамкай! – рявкнула родительница. – Сделай кофе. Принеси. И сядь!

Властный тон Лизаветы Михайловны не дал послушаться. Да и чревато это было, послушаться.

Молча кивнув, зарядила кофемашинку, заодно включив компьютер и, выполнив все, что приказала директриса, поставила перед ней чашку кофе, присев на краешек стула, воспитательно подняла брови.

Все. Лара Котикова вся во внимании и готова ко всему!

Но оказалось, что готова я совершенно не ко всему. И уж точно не к этому.

– Так что за пожар, мам?

– Не мамкай! Не дома, – уже менее злобно шикнула она, отпив обжигающий напиток и потеряв переносицу. – Пожар — это, дочь, мягко сказано. Это не пожар, это катастрофа мирового масштаба.

Я терпеливо ждала, пока мама перечислит все виды «пожара», подразумевая эту самую катастрофу, и подойдет к сути, слушала ее вполуха. Задумавшись о том, какие именно

первые документы стоит передать присланной из одного из отделов новенькой девочке, как раз окончившей курсы личного помощника директора, чуть не пропустила самое главное.

– Твой отец продал часть нашей фирмы, Лара. Часть «КоттоффИнкорпорейшен»! Продал, понимаешь?!

Вздрогнув, неверяще посмотрела на мать, надеясь, что ослышалась.

– Прости, что? Мне показалось...

– Нет, не показалось, – хищно оскалилась матушка, испугав меня еще сильнее, аж сердечко дрогнуло. – Твой отец продал часть семейного бизнеса, Лара!

Твою маковку.

– Он что сделал?! – ахнула я.

Мои руки сами потянулись к телефону, чтобы немедленно позвонить отцу и уточнить, что он такое пил, курил и вообще, правда ли это? И если да, то о чем и чем, его маковку, думал?!

– Продал часть нашего бизнеса, Илария, – уже спокойно повторила мама, нацепив свою излюбленную маску офисной, холодной, жесткой дамочки.

Но это только в бизнесе, конечно. Дома она была не совсем такая. Ну, почти не совсем.

– Кому? – все еще находясь в ступоре, осторожно спросила.

– Кому именно, не знаю, – поморщилась она, отстраненно посмотрев в окно. – Твой отец, знаешь ли, был не слишком приветлив и многословен. От нашего семейного юриста слышала, что какому-то иностранцу. А вот кому...

Она пожалала плечами и нахмурила лоб, поднимая с пола скинутые листы договоров и отчетные таблички.

– Иностранец? – поражено икнула.

Какого дьявола?!

Что, не заграничных, кому продать, не нашлось?

Нет, я ничего такого не имела против иностранцев. Но все же, некое неприятие присутствовало.

– И что теперь?

– Теперь? – зло усмехнулась Лизавета Михайловна. – А теперь, я не знаю. Может, знакомиться с новым, хм, коллегой. А может, лучше и самой продать остальную часть.

– Даже не вздумай этого делать! – воскликнула я, округлив глаза и положив руку на сердце.

Я закипела от возмущения. Это что такое творится-то?!

Скинув ежедневник на стол, подняла один палец вверх:

– Ты в своем уме? Наша корпорация – это семейное дело, – и осеклась, с открытым ртом и распахнутыми глазами, смотря на скривившуюся в ехидной усмешке матушку.

Уже не семейное. Уже не наше. Теперь еще и неизвестного нам человека.

Как так получилось? Зачем отец?

Нет! Я обязательно это выясню! Ишь, чего удумал! Сам

развелся с матерью, бросив и ее и меня. Сам укатил за границу. Сам продал свою часть фирмы, ни с кем из нас не посоветовавшись.

С-с-самостоятельный какой! Ну, я ему!

– Ой, только не вздумай ему звонить, – раздраженно фыркнула догадливая мать. – Сами справимся.

– И тут сами, – недовольно пробурчала, нервно обводя пальцами маленькое блюдечко, на котором стояла чашка кофе.

– Что?

– Ничего, – вздохнула. – Когда собирается явиться этот инострантиска, ум? Или представителей пришлет? Так сказать — на разведку. Вдруг мы тут все дикие.

Я нервно хохотнула, зафыркав, но под острым взглядом матушки сдулась, насупившись.

– На следующей неделе, – мрачно ответила она. – И тебе придется задержаться до этого момента, Лара. Мне нужна будет твоя помощь.

– Что?! – пораженно завопила, подскочив на стуле. – Мама!

– Перестань, Илария, – поморщилась она, и я, обиженно поджав губы, засопела, но села-таки обратно на стул. – Ты хочешь оставить меня одну с этими хищниками? Свою мать? Не так я тебя воспитывала, девочка моя, совсем не так.

Мама деланно огорченно качала головой, заламывая пальцы, а мне даже капельку стало стыдно. Совсем капельку. А

при воспоминании, каким отменным манипулятором является моя родительница, весь стыд куда-то испарился.

– Но, мам, у меня поездка запланирована именно на эти выходные! У меня отпуск, в конце концов!

– На твой отпуск я и не покушаюсь, – спокойно ответила она, в голосе полоснула сталь. Началось! – Поедешь на следующей неделе — и точка.

Так, следующая неделя — это не месяц. Жить еще можно. Но вслух ничего не сказала, наоборот, еще больше насупилась. Сложив руки на груди, с укором посмотрела в невозмутимое лицо директрисы и, притворно повздыхав, покорно кивнула, буркнув:

– Ладно. Я согласна. Но только на неделю. И не называй меня Иларией!

Да, мое полное имя мне не очень нравилось. Я вообще не понимала, почему меня называли именно таким именем.

Илария. Это вообще, что за имя такое, а?

Но только вот, когда спрашивала об этом у своих родителей, они таинственно молчали и разводили руками — этим беся меня еще больше. Поэтому я с одиннадцати лет просила называть меня только сокращенным именем — Лара. И все. Но мама в порыве гнева могла назвать меня полным.

Матушка, любимая моя стервь.

И в кого она такая?

– Какие на сегодня вопросы? – вздохнула, открывая ежедневник и настраиваясь на рабочий лад. – Сегодня у вас две

встречи. В три с Любомирцевым и в пять со Слониковым.

Мама отрешенно кивнула и, щелкнув мышью по ноутбуку, ледяным тоном надавала мне кучу заданий на сегодняшний день, загрузив по самую макушку.

«Ничего нового, Лара», – мысленно хмыкнула, закрывая ежедневник.

– Будет исполнено, шефиня, – усмехнулась, с удовольствием смотря на кровожадное лицо матери. – Шучу, шучу, наша железная леди.

Я не часто дразнила ее на работе, предпочитая деловой тон и даже на вы. Но сейчас почему-то захотелось ее подразнить.

Может, от слишком напряженной обстановки после разговора?

– Иди, работай, Илария, – с маньяческой улыбкой отомстила она мне.

Скривившись, фыркнула и пошла куда послали.

Работать.

– И сделай еще кофе, – крикнула вдогонку родительница.

– Много кофе вредно, – пробурчала, доставая чистую офисную чашку и блюдце.

Оставшийся рабочий день я то и дело бегала по кабинетам. Печатала отчетные ведомости и носила кофе матушке. Много кофе. Очень и очень много кофе.

Под конец рабочего дня мне даже стало не по себе.

А не получит ли родительница тахикардию от такого количества бодрящего напитка, ум?

Но по-настоящему занимал меня совсем другой, неприятный вопрос. О котором действительно думала, делая в первый раз свою работу как механический робот. Монотонно так.

Зачем отцу надо было продавать свою часть фирмы?

Он что-то задумал? Или ему понадобились деньги? Почему тогда мне ничего не сказал? Странно это все.

И очень неприятно.

Да что там говорить, эта новость с продажей пахивала откровенным предательством.

Глава 3

Неделя до отъезда пролетела на удивление быстро. Но, по правде говоря, это было и не слишком-то удивительно. Так как перед приездом «высочайших господ», а точнее, как рассказывала мне матушка прямо на следующий день после «шикарно-издевательской» новости о частичной продаже фирмы, приедет не сам господин содиректор, а его представители.

Ну, собственно, я так и думала.

Они должны будут разобраться в документации, запустив в нее свои шаловливые ручонки, а также посмотреть на само предприятие и его работу.

Н-да. Печально все, в общем.

Сам содиректор — имя которого почему-то оставалось в тайне, — не спешил почтить нас своим присутствием. Когда сие событие должно будет произойти, пояснят те самые проверяющие представители таинственно господина.

Еще лучше.

Я же крутилась как белка в колесе, работая на голом энтузиазме, от мысли, что всего через неделю моя пытка работой закончится, и я таки выберусь из душного городка в такой чудесный заснеженный Ранйск.

Ух, как я этого ждала. Ух, как ждала!

А пока — да, бегала как белка в том самом чертовом колесе, пытаясь честно, а что важнее — аккуратно выполнять поручения Лизаветы Михайловны. И одновременно передавать «мое кресло» в другие заботливые руки.

Принимающей стороной моего такого всеми любимого «кресла» оказалась моя почти ровесница, только недавно окончившая университет, и на удивление строгая девушка по имени Лена. Пришедшая к нам на место ушедшей в декрет Савельевой Инги из аналитического отдела.

Высокая, выше меня на голову, в толстых смешных очках, которые почему-то ее совсем не портили.

Ну, не то чтобы я ей завидовала, да и со зрением у меня всегда был полный порядок.

Но, выставив лапки, сознаюсь, аки маленький медвежонок перед охотником: червячок легкой зависти засвербел в одном месте.

Белокурый хвостик и кислая натянутая улыбка довершали образ Леночки. Она действительно была серьезной и крайне неулыбчивой, а еще — совсем неразговорчивой.

Сколько я ни пыталась — честно пыталась, — ее разговоришь, спрашивая то про учебу, то откуда она к нам приехала.

В ее личном деле, которое я честно выпросила у Алинки. И нет, мне не стыдно! К-хм, почти.

Ну, не могла же я оставить маман на непонятно кого! Все же совесть во мне еще осталась.

Да! Капелька, маленькая такая. Но все же совесть в нали-

чии имелась!

В личном деле Леночки значилась абсолютно вся информация, подтвержденная главой службы безопасности.

Но мне страсть как хотелось с этой девушкой наладить контакт и подружиться.

Не то чтобы мне не хватало подруг... В принципе, у меня, кроме Алинки, никого собственно и не было.

А Леночка, на мой взгляд, подходила на эту важную роль очень хорошо.

Но увы, как уже говорила ранее, на контакт не шла.

Ну, да ладно. Подружимся со временем.

Я Лара Котикова или нет?

В последний мой рабочий, пятничный день — когда, кстати, и должны были явиться те самые представители, я пришла на работу за полтора часа и обнаружила, к своему удивлению, порхающую за клавиатурой Лену.

А она ранняя пташка.

Удивленно подняв брови, негромко спросила:

– А чего ты так рано, Лен?

Девушка вздрогнула, хотя я специально понизила голос, дабы ее не испугать. Видимо, не ожидала моего появления. Оторвав от монитора взгляд цвета неба в грозу, посмотрела на меня поверх толстых очков, сухо ответила:

– Выполняю поручение Лизаветы Михайловны.

– Это она попросила тебя так рано прийти? – заинтересовалась я, щелкая по кофемашине и подставляя сразу две

чашки — для себя и Ленки.

– Нет, – коротко, как отрезала, ответила она.

– Тогда, какие-такие поручения ты выполняешь? – хмыкнула, встала возле нее, глянула поверх ее плеча и изумленно присвистнула.

Оказывается, исполнительная Ленка, просчитав родительницу наперед, составляла новый рабочий график, включая в него проезд гостей. Походы с ними по ресторанам и филиалам фирмы. Встречи с поставщиками и клиентами. И даже смогла впихнуть коротенький отдых, аж через неделю.

– Да-а, – поражено протянула, во все глаза глядя на уж очень плотный график маман. – Если не спать, то можно еще несколько встреч поставить. Спать, как я понимаю, она вообще не будет?

Ленкины пальцы замерли, и она, подняв голову, так посмотрела мне в глаза, что я даже вздрогнула, передернув плечами.

И откуда у столь юной девушки взгляд цербера?

– Вы бы, Илария Владимировна, не паясничали, – сухо отбрила меня эта мелкая коза. – Да не в отпуск сматывались, а помогли бы Лизавете Михайловне в этот нелегкий период.

– Сматывались? – прыснула смешком. – Ого, ты даже такие слова знаешь. Да ты не такой уж и сухарь, Ленка, как я думала.

На удивление, я даже не обиделась на ее тираду.

Напротив, мне показались ее слова смешными, а еще заботливыми.

Что-то было такое в голосе Леночки, что заставляло меня думать о ней и ее словах именно в таком ключе.

По-дружески ткнув недовольно сопящую девушку в бок, поставила перед ней чашечку кофе и сама отпила глоточек, присела на рядом стоявший стул и замерла, чуть не выплюнув кофе обратно.

Растерянно хлопнув глазами, с недоумением посмотрела на снова склонившуюся перед монитором Ленку.

Я даже не обиделась на то, что она назвала меня полным именем. Да что там, даже и тени раздражения не было. Хотя, когда меня так называла мама и Алинка, бесилась и нервничала страшно.

Девушка, заметив мой ошарашенный взгляд, недовольно буркнула:

– Что?

– Да ничего, – притворно беззаботно пожала плечами. – Так, что там у нас по графику, Лен?

Дальше рабочий день потек плавно и на удивление спокойно.

Мы с Леной составили сводные ведомости, подшили документы в папки, разложив их по месяцам. Выпили по еще одной чашке кофе, под бурчание Лены: «Сами корите свою мать за кофеманство, а кофе-то пьете не меньше!»

Я же только весело смеялась и смешливо фыркала, совсем не обижаясь.

Удивительно.

К девяти часам явилась хмурая родительница, сходу попросила несколько чашек кофе, с которыми я благоразумно отправила Лену, а сама понеслась в бухгалтерию, забирать документы на подпись.

Затем подписала все у матушки и разнесла по отделам.

Потрепалась с Алинкой несколько минут. Коротко обсудив сложившуюся — мягко говоря, очень дурно пахнущую ситуацию, в которую мы все влипли по вине моего папочки.

К слову, ему я так и не позвонила. Как и он сам не спешил звонить мне и пояснять, что за чертовщину он натворил. И зачем.

Обиделась, да.

Пока сам не позвонит, я точно не буду первой этого делать.

Сам накосячил, пускай сам и звонит. Вот!

Договорилась с Алинкой, что вечером она зайдет ко мне, проводить, так сказать, в путь-дорогу. И на дорожку посидеть заодно.

Мама, на удивление, за эту неделю ни разу не поднимала тему моей поездки, предпочитая хмуро отмалчиваться и выпивать в одиночку по бокалу вина.

Благо не больше.

А то пришлось бы вызывать соответствующие органы и,

в веселой пижамке на пару с белыми тапочками, отправлять родительницу спасаться от алкоголизма.

А ближе к двенадцати дня появились они.

Представители заграничного владельца второй части Нашего семейного бизнеса.

Что б им!

* * *

Представители в количестве трех статных, холеных и не слишком-то уже молодых мужчин оказались действительно представительными.

Но плюс им в копилку – исполнительными.

И, хоть немного дотошными, но спокойными, внимательными и улыбчивыми.

И даже не обижались на гневное фырканье моей матушки при каждом произнесенном одним из мужчин уточнении, фразе или слове. Она совсем не старалась скрывать свое отвращение и неприятие всей этой некрасивой для нас ситуации, а еще бессильную злость.

И я ее очень хорошо понимала. Как не понять? Но старалась относиться к бедным представительным мужчинам более, к-хм, дружелюбно.

И надо сказать, у меня это получалось неплохо.

Не отлично, конечно, но зубы я не скалила и старалась давать те документы, которые у меня просили, спокойно и с пониманием.

Они ведь не виноваты, что так уж произошло.

Но вот матушку было откровенно жаль.

А когда пришла домой и застала ее в компании бокала вина, что-то внутри шевельнулось и воспротивилось всему этому.

И даже промелькнула трусливая мысль: отказаться от поездки.

Но, крепко зажмурившись, тряхнула волосами, прогоняя ее.

Нет. Мечты должны исполняться, Лара. Причин для ее невыполнения может быть много.

Нахмурившись от противоречивых эмоций, переделалась в домашнюю одежду, кинув взгляд на время и делая мысленную заметку, что Алинка должна прийти примерно через час, подошла к матушке и, обняв ее со спины, негромко сказала:

– Мам, может, хватить упиваться вином? Ты же должна понимать, вот это, – указала на высокий пузатый бокал с красной жидкостью, – не поможет.

Мама раздраженно дернула плечом, скинула мои руки и, оставив бокал на деревянную панель дивана, обернулась ко мне, прошипев:

– Я у себя дома могу делать что захочу. Не тебе меня жизни учить. Дожили!

Устало прикрыв глаза, покачала головой.

Так, все понятно. Мама нарушила главное правило нашего дома.

Работу — оставляем на работе. Дом — дому.

Переставив бокал в другое место, подальше от цепких лапок Лизаветы Котиковой, присела рядом с ней, сурово посмотрев в глаза:

– Мам, прекрати, пожалуйста. Ты забыла? Дома ты обычная женщина. Не шеф и не хозяйка большого предприятия, а мама...

– Уже не хозяйка! – не дослушав, рявкнула она, яростно помотав головой.

Закатив глаза, придвинулась ближе, взяла ее прохладные руки в свои.

– Мам, я не знаю, почему отец так поступил, но, значит, он посчитал нужными это сделать. Сделать именно так, как он и поступил. Что уж тут.

Я немного помолчала и, собравшись с мыслями, продолжила:

– Ты знаешь, я никоим образом не трогаю ваши дела. Никогда в них не лезла сверх меры и не лезу. И даже не спрашивала, почему вы развелись. Не спрашивала, зачем... Как думаешь, почему?

Мама вопросительно подняла брови, но отвечать не спешила. Вздохнула и ответила за нее:

– Да потому что это ваше дело. Только ваше и никого больше. Но отец... – сглотнула, – он точно не стоит того,

чтобы плакать или упиваться вином, понимаешь? Неразрешимых ситуаций нет.

Матушка вздрогнула и опустила ресницы, тяжело вздохнув. Я не торопила ее, зная, что ей, как и мне, тоже нужна капелька времени.

– Знаю, родная, – наконец ответила она дрогнувшим голосом. – Прости, просто столько всего навалилось, – взмахнула она рукой. – Еще и ты через день уезжаешь, оставляя меня с этими пираньями, голодными до чужого бизнеса.

– Как они тебе, кстати? – заинтересованно подняла она голову, посмотрела мне в глаза и хитро прищурилась, а я не смогла сдержать улыбку, внутренне радуясь, что мама хоть немного, но пришла в себя. – Колоритные такие дядечки, прям медведи какие-то. А один из них вообще на кого-то из семейства кошачьих похож. Заметила?

Вспомнив плавные, как у кота, движения одного из тех самых холеных дядечек, нервно хохотнула, кивнув.

Персонажи были действительно колоритные.

Двое огромных мужчин, больше похожих на, действительно, как и сказала матушка, медведей. Нет, не неуклюжих, а просто больших таких — как скала, и мощных. А третий, поменьше, но не слишком, просто более поджарый, что ли... запомнился мне почему-то больше всего.

Блондин с холодными глазами и ровным, приятным на слух голосом.

Когда слушала его вопросы по поводу документации, мне

даже казалось, что у него проскальзывали мурчащие нотки, а когда один раз – случайно, правда, — соприкоснулась с сим индивидом руками. Встретилась взглядом, не смогла удержать судорожный вздох.

Мне на мгновение показалось, что его зрачок слегка вытянулся, становясь похожим на зрачки котиков.

Усмехнувшись, потрясла головой.

Н-да, Лара, ну, у тебя и фантазия! Зрачок у мужика, как у кошки. Вот уже привидится. Такого не бывает!

Освещение и игра света, не больше.

И главное — про зрачок-то никому не ляпнуть, а то подумают еще невесть что.

– Да, – вырвал меня из воспоминаний о коллегах будущего содиректора голос матушки. – Те еще хищники! Особенно один из них. Лирански, кажется. Все пытался выведать у меня побольше информации.

Она немного привстала и, уперев руки в бока, понизила голос, делая его похожим на мужской, передразнила:

– А это откуда? А эти отчеты из Славинска, где сводная, почему нет сводной ведомости?! Где промежуточный отчет? Аналитическая справка! Как вы работаете?

Сморщив нос, она рухнула на диван, упираясь в него спиной, выплевывая:

– Сволочь!

Лизавета Михайловна возмущенно посмотрела на замершую с открытым ртом меня, и я, не выдержав, расхохоталась.

Маман тоже не смогла сдержать слабой улыбки.

– У тебя хорошо получилось, – вытирая слезы смеха, похвалила покрасневшую матушку.

Откинувшись на спинку диванчика головой, посмотрела в потолок, протянула, вспоминая:

– Лира-а-ански. Это который? С длинными волосами в хвосте или с коротким русым ежиком? Точно же не блондин. У него вроде другая фамилия.

– Русый, – быстро, быстрее, чем следовало, ответила мама, отвернувшись.

Заинтересованно покосилась на нее, заметив смущенный румянец, распахнула глаза.

Что это такое происходит? Да она смутилась!

– Ма-ам? Он что? – сделала страшные глаза. – Тебе понравился, да? Понравился?

– Не говори глупости, – фыркнула родительница, пряча взгляд и рассматривая аккуратные ноготки.

А я убедилась в правильности своего предположения.

Да, понравился! Ого! Ну, ничего себе! Он же полная противоположность папы!

Как так-то?

– А как его зовут? – вкрадчиво спросила. – Далил? Дамид?

– Димитрий, – не выдержав, рывкнула она, возмущенно засопев.

– Хватит, Лара, ты лучше скажи, может, все-таки никуда не поедешь, а? Смотри, сколько сейчас проблем. Ну, на кого

ТЫ МЕНЯ ОСТАВИШЬ?

подавив смешок, примиряюще выставила руки.

– «На кого ты меня покинула, бессовестная», – ехидно процитировала фразу из фильма и уже серьезней добавила: – Нет, мама. Я не могу. Ты будешь под присмотром Леночки, она точно тебя не оставит.

– Лара, Лара, – сокрушенно покачала головой матушка. – И в кого ты такая упрямая, а?

Звонок в дверь избавил меня от ответа.

«И действительно, в кого я такая?» – с сарказмом подумала.

Таинственно улыбнувшись, выпорхнула в коридор, громко, насмешливо прокричав:

– Димитрий, значит? А другие-то имена запомнила?

Гневное сопение матушки слышалось даже из коридора, как и ее шипение:

– Поганка! И кого я воспитала? Где были мои глаза?!

* * *

Вечер в компании Алинки и матушки прошел весело и спокойно.

Мы ненавязчиво обсуждали иностранных гостей. И даже Алинка восхитилась внешним обликом совсем не молодых, но еще не пожилых гостей.

Закатив глаза и соблазнительно облизнув губы, подружка

простонала:

– Вот это самцы! Вот это мужчины.

Мы с мамой только переглянулись, весело фыркнули, покачав головой. Но спорить не стали.

Умеют же делать мужчин за границей этой.

По правде сказать, наши мужчины заметно проигрывали заграничным по всем фронтам.

Но, может, это только относительно этих хищных мужчин?

Очень может быть, других-то мы не видели.

Закончили посиделки мы поздно, довольные и чуточку навеселе.

А что? Нам можно, совершеннолетние и свободные девушки как-никак. Вот!

Уложив подругу в гостевой комнате и пожелав всем спокойной ночи, отправилась спать.

Завтра — день последних сборов и утреннее воскресное волнительное отправление.

А затем каких-то два дня пути — и встреча со снежным городком!

Скорее бы.

Глава 4

Утро воскресного дня началось волнительно и сумбурно.

Встав по будильнику в семь часов утра, я наскоро позавтракала под деланно-уничтожительное бурчание мамы о том, какая я гадкая, невоспитанная девчонка, оставляющая бедную ее одну.

Я только возмущенно сопела и украдкой, пока маман не видела, закатывала глаза, собирая вещи первой необходимости. Те самые, которые заранее собрать не представлялось возможным.

Первое и самое необходимое для каждой уважающей себя молодой девушки – косметичка!

Зачем она нужна мне в снежном Ранейске, я и сама не знала. Ведь там холодно и да, снежно. А снег, как знает вся прекрасная половина мирного населения — первый враг косметической красоты.

Но! Не взять было смерти подобно.

Я же уважающая себя молодая леди? Да! А значит, и косметичка нужна, со всеми этими маленькими женскими штучками, как крема, туш и подводка.

Даже если это все очень нужное так и останется на время моего отпуска мирно лежать в сумочке. Это же совсем не важно! Главное, что красивая маленькая косметичка имеет-

ся, а уж остальное дело десятое.

Второе, обязательное и крайне необходимое – милые полосочки и воск для депиляции, а! И бритва с пенкой. Тоже берем.

Так, на всякий случай.

Многие усомнятся в моей адекватности и даже рискнут спросить: «А зачем это, собственно, Лара, тебе нужны полосочки, пенки и всякие косметички?»

Ведь кто там, в городке, будет видеть твои волосатые и неухоженные ножки?

Правда. Никто. Но! Их буду видеть я! И это главное.

А гладкими ножки должны быть всегда, так же, как и зона бикини.

Даже если поверх плотных трусиков с мехом будут толстые колготки, на которые я обязательно напялю термобелье, и никто мои гладкие ножки, как и гладкую промежность, никто(!), совсем никто не увидит.

Значит, что? Правильно. Укомплектовываем. И никак иначе.

Так, готово! Что еще?

Зорко оглядев свою комнату, натолкнулась на наушники, воткнутые в маленький проигрыватель с музыкой. Хищно сверкнув глазами, прихватила и их.

Ну и что с того, когда я буду лазать по моей горе, не смогу даже музыку послушать? Из-за сильных ветров, конечно. А вот и смогу! А вот и сделаю!

Назло всем! А-ха-ха!

От мысленного злодейского смеха меня оторвал возмущенный возглас мамы:

– Иллария! Аптечку-то взяла?

Чертыхнувшись от испуга, под охи и причитания о моей «распущенности» и «неумении держать язык за зубами», рванула в ванную, чтобы достать ту самую уже приготовленную — специально для альпинистов, — аптечку.

Дырявая голова! Чуть не забыла! Все взяла, кроме нее. Вот же!

Нет, я была уверена, что она мне не понадобится. Аптечка эта. Но всякое может быть.

Самоуверенность до добра не доводит.

Впихнув в огромный дорожный чемодан маленькую аптечку, довольно кивнула, покосившись на лежащий сверху плотный зимний комбинезон.

Вот что-что, а их я вообще терпеть не могла. Но и без них, увы, никак.

На мне все эти толстые зимние комбинезоны, призванные защищать альпиниста от холода, смотрелись до обидного смешно.

И когда я натягивала сей прекрасно-ужасный элемент, почти все мои коллеги – обычно, что самое обидное, мужского пола, — весело ржали. Словно не альпинисты, а кони какие-то.

Но смотрелась я и вправду в этих костюмах смешно. Эта-

кий слоненок.

И старый как мир анекдот из какого-то мультика подходил для меня как нельзя лучше:

– Милый, ты уже можешь опустить руки, – ласково говорит мама ребенку, задравшему ручки вверх, одетому в зимний комбинезончик и милую шапочку с помпонами.

– Я уже опустил!

Вот это как раз про меня.

И ничего смешного в этом не вижу!

Грустно вздохнув, присела на диванчик, тыкнула пальцем в желтый, цыплячий комбез.

И нет, это не я его покупала.

Алинка притащила сей сомнительный презент на окончание моего обучения и получение корочек с аттестацией.

А ее маньяческая улыбочка и радость от того, как быстро она сунула мне его в руки и отошла, не дала усомниться, что данная радость-гадость сделана неспроста.

Только я тогда так и не поняла, где успела ее настолько обидеть.

Но и спрашивать не стала. С такой же акульей улыбкой и радостью приняла сей прекрасный презент: а ну, вдруг от чистого сердца?

Хотя, Алинка...

В общем, не суть.

Нет, у меня был еще один специальный – нормальный костюмчик с термозащитой. Который я заказала в модной и

дорогой фирме, занимающейся пошивом специального оборудования и одежды для скалолазания.

Вот где был шедевр! Вот в чем я не смотрелась как слон или огромный цыпленок-переросток.

Гладко-черный, удобный и страсть как мне подходящий. Но его я собиралась надеть непосредственно перед отправкой к Альтарине.

Почему не сразу?

Ну, задумчиво почесав макушку и смерив цыплячий кошмар скептическим взглядом, пожалала плечами.

Честно признаться, сама до конца не могла понять, почему и по какой причине буду щеголять в первый день моего пребывания снежном городке в Алинкином подарке.

Можете считать это моим личным бзиком.

А может, потому, что именно так хоть капельку не буду чувствовать себя одинокой?

Задумавшись об этом, довольно кивнула и улыбнулась, уже по-другому взглянув на комбез.

Все же спасибо подружке, ее подарок, который мне так не нравился, теперь с удовольствием и непременно надену.

– Ну как ты тут? – на удивление спокойно поинтересовалась мама, заглядывая в комнату. – Все собрала?

– Да, – машинально кивнула, выплывая из задумчивости. – У меня еще два часа до выхода. Давай попьем кофейку?

– Я как раз заварила, – кисло улыбнулась она. – Корочки не забыла сложить?

– Нет, – откликнулась, вспоминая, куда именно положила документы.

– Сертификат медсестры?

– А зачем? – недоуменно выгнула бровь, плюхаясь на барный стул и пододвигая к себе вкусно пахнущий терпкий напиток.

– Как зачем? – ахнула мама. – Сложи обязательно! Мало ли что!

Осознав, что маман снова начнет возмущаться моей ужасной бестолковостью, обреченно вздохнула и быстро покивала головой:

– Сложу. Обязательно! А ты слушай Леночку, – пригрозила ей пальцем, на что мама скривилась. – Я серьезно, ма. И помягче с нашими гостями, они не виноваты, что твой бывший муж продал бизнес.

– Твой отец! – не смогла не возмутиться матушка, но под моим требовательным взглядом сдулась. – Ладно, буду вести себя хорошо.

Удовлетворенно кивнув, отхлебнула горячий напиток.

Оставшееся время мы с Лизаветой Михайловной провели, к моему изумлению, мирно и спокойно.

Она даже больше не напирала на меня, пытаясь отговорить от поездки.

Удивительно.

Смирилась, что ли?

Но я была только «за».

Через час пришла Алинка, вызвавшаяся проводить меня до вокзала и лично посадить на поезд до Ранейска, чему втайне я была очень рада и благодарна.

Все-таки хорошо, когда есть подружка. А еще лучше — такая, как Алинка.

За пятнадцать минут до выхода присела на чемодан, впитывая счастливый момент, полный некоего чуда и предвкушения, а затем, попрощавшись с мамой и получив наказ как можно чаще звонить, выпорхнула из дома.

Навстречу своей мечте!

Ага. Наивная.

Знала бы я, чем это все обернется.

* * *

В заснеженный Ранейск я прибыла поздно вечером. Втайне радуясь своей предусмотрительности — ранней бронировке гостиничных номеров.

Дело в том, что прибыть к месту назначения мы должны были еще пять часов назад. Но из-за разыгравшейся снежной бури застряли на подъезде к городу.

Проводница — полная дородная женщина с короткими темными волосами, стрижкой под мальчика и невозмутимой маской на лице, подала горячий чай в граненых стаканах и вежливо, но твердо сообщила, что стоять мы будем долго.

Не менее нескольких часов. Ага, да, дорогу уж очень силь-

но замело.

А на все возмущение ехавших вместе со мной в одном вагоне людей гордо задирала нос и, фыркая, молча отбивала восвояси, бурча тихие ругательства и особо не обращая внимания на то самое возмущение.

Да и что она могла сказать?

Я бы на ее месте вообще растерялась, выслушивая возмущенные выкрики и даже витиеватые (и не только) оскорбления.

Ужас какой-то. Прямо не люди, а звери, ей богу.

Сама я поступила мудро.

Когда проводница несколькими часами ранее постучалась в мое благоразумно выбранное одиночное купе и сообщила сию пренеприятную новость о задержке, только скупое ее поблагодарила и на вопрос о чае согласно кивнула.

Мысленно посочувствовала бедной женщине, понимая, какой негатив обрушится – ага, и обрушился, — на ее голову.

В общем — не прогадала. Но вот женщина-то бедной совсем не выглядела.

– Привыкла, наверное, – тихо усмехнулась, извернулась и взбила подушку, предварительно достав томик любовного фэнтезийного романа о человеческой девушке и оборотне... О, ужас! Медведе.

А мишка-то по итогу оказался-таки совсем не страшным, а наоборот — очаровательным медведем. Горячо, всем своим огромным сердцем, он полюбил обычную человеческую

девушку наперекор всем врагам и не принимавшей ту самую человечку — как называли человеческих леди в романах, — поначалу своей медвединой семье.

Хм, а семья медведей — это как? Медвединая, да? Или медвежья?

Ой, что-то я запуталась.

В общем, неважно. Важно то, что семья медведя поначалу не приняла девушку, всячески ее уязвляя, придираясь и показывая свое к ней пренебрежение. Но гордый очаровательный медведь-оборотень быстро им всем показал, где раки зимуют.

А затем утащил-таки, подлец, в свою пещеру. А там!

Прочитав большую часть романа, прерываясь на слишком горячих моментах, страстных эмоциях пары, восхищенно вздохнула.

Вот это любовь! Вот это страсть! Противостояние семей, ух!

Даже жарко стало. И чайк уже как-то не к месту, к-хм, был. Водички бы, холодненькой, да. Мысли остудить, угу.

К своей радости или сожалению, никогда никого не любила.

Так, чтобы в омут с головой или до бабочек в животе, как пишут в этих самых романах.

Нет. В моей не слишком — по моим же меркам, — недолгой двадцатитрехлетней жизни были мужчины.

Ну, как сказать — мужчины. Скорее молодые, желторотые парни, которые, стоит признаться, бывало, нравились мне.

Но это так, ничего серьезного.

Да и невинной девицей тоже уже давно не была.

К своему стыду, нет, правда, стыду, мой первый раз произошел до обидного банально.

На восемнадцатилетие.

Тогда мы с Алинкой сняли небольшой загородный домик, потратив большую часть моих и ее сбережений, и напились почти до беспамятства, (к слову, в первый и последний раз) я-таки переспала со своим, на тот момент, однокурсником.

Что и подтвердилось наутро. Проснувшись в объятиях пьяного и о, кошмар и стыд моим (не) сединам, Костика с капельками крови на том самом его причинном месте.

В общем, сексуальный опыт у меня был негативным и бесполезным, так как сама я ничего не помнила.

Да что там, у меня даже ничего не болело! И если бы не голое тело Костика... Я бы даже грешным делом подумала, что все-таки еще пока девица.

Ан, нет. Кровь — это же главное доказательство моей пьяной распущенности.

Правда же? Вот и я так думала.

Ох, не таким я хотела свой первый раз. Совсем не таким. Но, как говорится, поздно пить боржоми, Ларка. Поздно. Это ж надо было так напиться! Свинтус, ей богу.

Стыд и позор, Котикова! И нести тебе сей крест всю твою

жизнь!

Ну, про всю жизнь я, конечно, загнула. Как минимум пока не найду достойного мужчину, с кем в трезвом уме и крепкой памяти захотелось бы провести повторный любовный эксперимент.

Но вот когда этот самый настоящий мужчина, кому всем сердцем и телом захочется отдаться, найдется на моем пути?

Эх, знать бы.

Алинка, к примеру, совсем не считала мое падение чем-то страшным и противным.

Наоборот! Она, ворвавшись в то «страшное» утро, весело воскликнула:

– С почином тебя и добро пожаловать во взрослую жизнь. Та-дам!

А затем нагло спихнула сонного и дезориентированного Костика с кровати, прикрикнув, чтобы выметался, и еще раз весело и радостно поздравила.

Ну, не коза, а?!

Вот и я говорю, коза!

А Костик-то! Костик чем думал, а?

Понятное дело чем, нижней головой. Вот чем.

Мои мысленные гневные терзания и почти несбыточные мечтания о настоящем мужчине были нарушены утробным звуком горна и двинувшимся поездом, а также стуком в дверь.

Которая почти сразу же и открылась, явив передо мной

хмурю, но уже порядком расслабившуюся проводницу:

– Пути расчищены. В город прибудем через двадцать минут, – коротко оповестила она. – Приготовьтесь.

Растерянно посмотрев в закрывшуюся за женщиной дверь, весело хихикнула.

Мужчины мужчинами, а гора уже близко!

Собрав свои скромные пожитки в чемодан и кое-что — в маленький удобный рюкзачок, закрутила на голове шишку, поджав ее резинкой. И недовольно покосилась на цыплячий костюмчик, угрюмо вздохнув.

Надеюсь, меня в нем не засмеют.

– О боже, Лара, какая кому разница? – пыхтела, выходя в коридорчик вагона.

И постаралась не обращать внимания на заинтересованные и смешливые лица пассажиров, вытацившихся так же, как и я сама, в узкий коридор.

Гордо вскинув подбородок, стала в импровизированную очередь, вяло подумав:

«Подумаешь, похожа на цыпленка Цыпу. Что тут такого?!»

Глава 5

– Пожалуйста, ваш ключ, – мило улыбнулась уставшей мне девушка с ресепшен. – Если возникнут какие-нибудь вопросы, пожалуйста, обращайтесь.

Вяло улыбнувшись девушке, сцапала обычный ключ на колечке с маленькой гравировкой отеля, кивая:

– Непременно.

– Приятного отдыха, мисс Котикова.

– Благодарю.

Повернувшись, тоскливо посмотрела на ставший таким тяжелым для крайне уставшей меня чемодан.

Вот блин! И как мне его донести-то?

Руки уже нервно подрагивали от усталости, а колени грозили вот-вот подогнуться.

Пригладив волосы, тяжело повздыхала, взялась за ручку злополучного чемодана, в который раз убеждаясь, что одной без мужского или, на худой конец, дружеского плеча очень непросто.

Особенно без мужского, ага.

Нет уж!

Лучше все же одной, чем с желторотым юнцом. Ну, это я имела в виду молодых парней своего же возраста. От них точно помощи не дождешься. И то, не без удовольствия по-

пеняют, что такая, как я — будучи как бы спортсменкой, угу, альпинисткой, мать его, — уж очень слабая телом.

А мама бы точно не упустила шанс добить. Ее голос, с укоряющими нотками, неприятно зазвучал в голове:

«И ты еще собралась на какую-то гору?! Илария, Илария, — тут бы она обязательно сокрушенно покачала головой, — тебе сначала жирок нарастить и мышцы, а потом уже замахиваться на горы».

– Может, вам все-таки требуется помощь? – сквозь свое собственное кряхтение и сопение, пытаюсь отодрать от пола чемодан, услышала наигранно-обеспокоенный голос девушки, выдавшей мне ключ.

Обернувшись через плечо, сощурилась:

– А есть возможность?

– Конечно! – важно покивала она, гордо вздернув нос. – У нас имеется беллбой.

Раздраженно дернула плечом.

А сразу сказать было никак? Что за люди?! Видела же, как я тут извиваюсь, пытаюсь поднять тяжеленный баул!

Прикусив губу, чтобы не ляпнуть что-нибудь оскорбительное, втянула носом воздух, кивая:

– Буду вам искренне благодарна, – прищурившись, посмотрела на белую именную карточку: – Катенька.

Девушка еще шире улыбнулась, потянулась к трубке телефона, набирая длинными коготками внутренний номер.

Прислушиваться я не стала, попросту отвернулась и заня-

лась интересным занятием: разглядыванием своего идеального, пока еще идеального маникюра.

Знала я таких особ, как эта Катенька, Катюша. Приходилось встречать. Те еще ресепшенские змеи. Стоит только ей показать свое возмущение и праведный гнев...

Нет, возмущение они, конечно, проигнорируют и со сладкой улыбочкой все-все исправят. Но вот после я совсем не удивлюсь, если в моем номере не найду ежедневную уборку. А очень даже грязную комнату с вчерашними или даже, кошмар, позавчерашними полотенцами. И сколько потом ни возмущайся, итог будет один.

Вы ехидненько спросите: «Что, Ларка, уже попадалась, да?»

Так вот. Да!

То еще сомнительное удовольствие.

А посему, как говорится в мультике с теми смешными пингвинами: «Улыбаемся и машем, Лара. Улыбаемся и машем».

Змея-Екатерина, положив трубку, сладко улыбнулось, от чего я внутреннее поморщилась, но внешне изобразила легкий интерес.

– Беллбой появится с минуты на минуту, мисс Котикова.

Сладко улыбнувшись ей в ответ, кивнула.

Беллбой. Ага.

Через несколько минут действительно появился молодой, но какой-то уж чрезмерно лохматый паренек в застиранной,

но опрятной форме гостиницы.

Приветливо мне кивнув, он без вопросов подхватил мой чемодан и жестом попросил следовать за ним.

Напоследок еще раз улыбнулась «Катюше», послав ей улыбку, больше похожую на оскал, и поспешила за парнем, на ходу копаясь в своем рюкзаке в поисках мелочи.

Угу. Конечно, для беллбоя. Как же по-другому?

Мы поднялись по не слишком чистой лестнице на второй этаж, оказались в узком коридорчике и почти сразу же остановились напротив обычной светлой деревянной двери с циферкой четырнадцать.

Парень молча протянул мне руку, и я, на секунду растерявшись, замешкалась, но почти сразу же высыпала в его подставленную ладонь всю найденную мной мелочь. И даже, упс, мятную жвачку.

Но-но! Запакованную жвачку!

Парень удивленно поднял брови, но, быстро взяв себя в руки, коротко улыбнулся, проведя рукой по шоколадным вихрам.

– Ключ, мисс.

Ой. Стыдно-то как.

Смутившись, отдала ему требующийся для открытия двери ключ, потупив глазки.

Да уж, Ларка.

«Это ты от усталости сморозила, – реабилитировала себя. – С кем не бывает?»

Парень распахнул передо мной двери, втянул чемодан в удивительно большую прихожую, улыбнувшись:

– Располагайтесь, мисс. Хорошего вечера.

Я уже собиралась закрыть двери, как услышала тихое:

– Спасибо за жвачку! Мятная — моя любимая.

Так сильно я еще не краснела никогда.

Ну, Ларка!

* * *

– Угу! Ага! Я слушаю, мам. Да, слушаю! Да нормально я доехала!

Это я отвечала неугомонной и взволнованной матушке, пытаюсь одной рукой достать комплект из теплых колготок с термобельем, ухом держать телефон, а второй рукой придержать совсем не банное полотенце.

– И фто фто дорога окафалась заснефасой, ум?

– Я говорю: и что, что дорога оказалось заснеженной, мам? – рыкнула я, выплевывая кусок целлофанового пакета, в котором и лежал злополучный комплект.

– Нет, я нормально добралась, мам! Нормально! Живая! Ой, все! Лучше расскажи, как там наши надсмотрщики?

Вывалив наконец-таки распакованные колготки и термобелье на кровать, кинула к ним трусы с начесом. Достала свой красивенький и горячо любимый защитный черный костюмчик, краем уха слушая жалостливые вздохи и жалобы дорогой маман.

Придирчиво оглядев доставшуюся и удивительно большую комнату, поежилась от холодного воздуха.

Да, комната мне досталась шикарная. В светлых тонах, большая деревянная двуспальная кровать, напротив которой висела огромная, там, там, там! плазма. Туалетный столик с пуфиком и приличная ванная комната с глубокой, широкой ванной.

Но, по правде говоря, мне было все равно на все это великолепие. Я была бы рада, даже если бы мне всучили каморку.

Все равно не планировала отсиживаться в гостинице. У меня были совершенно другие планы, вспомнив о которых, восторженно улыбнулась.

– Лара! Ты слушаешь? – болезненно врезался в мою бедную голову громкий возглас матушки.

– Слушаю, – буркнула. – Ну, если все в порядке, тогда хорошего дня, мамуль. Наберу после десяти часов вечера или завтра.

Немного помолчав, совсем тихо добавила:

– А может, и послезавтра.

– Что? Лара! Лара... Илар...

Проказливо усмехнувшись, сбросила звонок, кинула телефон на кровать, стянула ставшее мокрым и противным полотенце, блаженно раскинулась на кровати.

– Ай, – пискнула, когда в обнаженную спину впилась застежка защитного комбинезона.

Упс, забыла про него.

Перекатившись на живот, отодвинула вещи, потирая пострадавшую кожу.

– Так! Хватит разлеживаться!

Кивнув самой себе, обрядилась в обмундирование и придрчиво оглядела свой облик в зеркале.

Красотка.

Только, хм, что сделать с волосами? Косу? Да, точно. Хвост будет упираться в защитный шлем. Как и пучок, а это мало приятно.

Заплела тугую низкую косу, перекинула медный кончик на грудь. Подхватила не слишком объемный, но достаточно вместительный походный рюкзак, проверив снаряжение.

Аптечка? Есть. Документы? Есть. Шлем? Имеется. Деньги? На месте. Телефон? Так! Куда я его там засунула? А, нашла!

Довольно улыбнувшись, нацепила на лоб защитные очки с желтыми стеклами и отправилась в путь.

Альтарина, я уже иду!

* * *

Спустившись вниз, отдала ключ на ресепшен уже другой, более приятной, чем предыдущая, девушке с красивым именем Надя. Не забыв предупредить о возможной задержке, перебежала через дорогу в приличную и не шибко дорогую кофейню.

Согласно отзывам, в кофейне с простым названием «Кофе», эмблемой которого и была чашечка кофе, вкусно и

недорого кормили.

Ну, что ж, посмотрим.

Переступив порог, сразу же направилась к столам с едой. В этом кафе было самообслуживание. Набираешь на подносик еду из предложенного и оплачиваешь на кассе.

Удобно и ждать не нужно.

Единственное, о чем я переживала — так это о качестве выбранной еды.

Но, по тем же самым отзывам, в «Кофе» горячо заверяли в качестве приготовленной продукции.

Хм, очень на это надеюсь.

Еда оказалось действительно вкусной. А стейк из рыбы — просто восхитительным. И по приятной цене.

Моя оценка этому заведению пока 4 из 5. Сам кофе мне не слишком понравился, горький, на мой вкус.

Утолив голод, но не наевшись, как хрюшка — ибо в моем деле это в некоторых ситуациях смерти подобно, — вышла из гостеприимного кафе, взяв курс на виднеющуюся вдалеке мою мечту.

До самой горы я собиралась добираться попутками. И мне даже очень повезло. Местные охотно соглашались подвезти меня к пункту назначения. Так что у подножия Альтарины я была уже примерно через час, может, чуть больше.

Замерев у подножья, высоко задрала голову, восхищенно глядя на пик красавицы. Прикрыла глаза, впитывая прекрасный момент, который останется в моей памяти навеки.

Счастливо улыбнувшись, достала шлем, натянула его на голову и, прочно закрепив, поправила очки. Вынула «кошку» и пристально осмотрела подножие, медленно пошла вперед, подмечая насечки, которые сделали такие же «покорители», как и я сама.

Наметив себе путь, достала несколько штырей, воткнула их с рядом расположенными насечками, мысленно улыбнулась.

– Хорошего пути, Лара. Вернись! – шепнула напутствие и, закрепив страховочный трос, полезла вперед.

Такие фразы-напутствия были у каждого альпиниста.

Можно сказать, этакая молитва.

Да, да, традиция. Мне она и самой приходилась очень по вкусу.

В первый раз, услышав подобное напутствие от друга Витьки, я рассмеялась. Но, когда он мне подробно пояснил, для чего это и что означает, смеяться я перестала.

И сама для себя выбрала легкую фразу. Многие делали аж целые небольшие стихи или даже коротенькие песенки.

Я же, как не отличающаяся креативом, по-простому шептала слова удачи и что обязательно вернись.

Просто и со вкусом. И главным здесь была не удача. Со всем нет.

Вернуться живым – вот что было важно для каждого аль-

пиниста.

И я свято верила, что обязательно выполню свое обещание-наказ.

Но вот только в этот раз что-то пошло не по плану.

Совсем не по плану.

* * *

– Да! – кидая боевой клич туземцев и чуть ли не танцуя румбу, кричала я, забравшись на хоть и не слишком большой, но достаточно широкий для моей пятой точки горный выступ. – Я это сделала!

Радостно улюлюкая и стараясь не свалиться с выступа, придерживая страховочный трос, поудобней на него уселась, свесив ноги, счастливо улыбнулась, радуясь, как ребенок, получивший долгожданный подарок.

То, что так давно хотел и страшно желал, а того самого подарка все не было и не было. И тут вдруг!

В общем, понимаете, о чем я?

Ликование и довольство собой, что сделала еще один серьезный шагок, хотя для меня это стало огромным шагом вперед, грело душу.

А теплый защитный комбинезон — пятую точку.

Сидела-то я прямо на снегу, благодаря костюмчику совершенно не чувствовала холода.

Нет, я еще не добралась до вершины Альтарины, как вы могли подумать. Но была на полпути к этому!

Кто молодец? Ага. Ага. Лара, молодец!

Еще чуть-чуть, один рывок — и моя мечта будет исполнена!

Можно будет поставить в своем ежедневнике напротив графы с этим желанием галочку. И двигаться вперед!

Вот кто сказал, что мечты трудно осуществимы?

Я — прямое доказательство того, что если задаться целью, то возможно хоть и не все — ведь у каждого из нас разное понятие счастья, как и сами мечты, — но многое.

Весело болтая ногами и мурлыкая под нос песенку, осторожно достала из рюкзака термос с кофе и, налив его в крышечку-чашку, отхлебнула, довольно расплывшись в улыбке.

Глубоко вдохнув морозный воздух, выдохнула вместе с клубочком пара.

Вот она, жизнь!

Взглянула на часы, подмечая, сколько времени занял мой подъем до выступления, подняла голову, глядя на путь, который еще стоило преодолеть, и немного расстроилась.

Оказывается, до выступления я ползла словно черепаха.

Целых четыре часа!

А до верхушки Альтарины было навскидку — ну-у, чуть больше, чем я проползла.

Да, Лара, а ты, оказывается, не настолько хороша, как была в себе уверена.

Взглянув на уже катящееся к закату солнце, нахмурилась.

Упс, а об этой детали-то я совсем забыла!

Дело в том, что солнце в Ранейске садилось около трех

часов дня.

Сейчас было чуть больше часа, и до захода оставалась как раз три.

Прикинула, сколько мне ползти до верхушки, гулко сглотнула, мысленно ударив себя по лбу за забывчивость.

– Блин, это что ж получается, ползти обратно? – тихо простонала, глядя на склон горы.

В душе поселились сомнения.

Из-за моей забывчивости о маленькой детали Ранейска, получалось, что если я все же поползу до конца, то наверху уже буду карабкаться в полной темноте.

Нет, у меня, конечно, был фонарик, но не налобный! А обычный.

А если не поползу, а буду спускаться, то тогда...

– Ну, уж нет, Ларка! – твердо сказала самой себе. – Сказано идти до конца — есть идти до конца! Мы, Котиковы, не приучены сдаваться! Вперед и только вперед!

Приняв для себя решение, радостно улыбнулась, стараясь загнать червячка сомнений поглубже, как и очень даже обоснованный страх.

Хмурясь и нервничая из-за противоречивых эмоций, затолкала в сумку термос, аккуратно пристроила её за спиной и, перепроверив страховочный трос, подергав его, поднялась.

Но чуть быстрее и резче, чем это стоило сделать.

Порывисто подалась вперед, собираясь продолжить путь на вершину, и неожиданно поскользнулась.

На ровном месте поскользнулась!

И не успела я и рта раскрыть, как, размахивая руками, словно ласточка, выброшенная вероломными предками из гнезда, полетела назад.

А коварный рюкзак еще больше придал ускорение.

Сколько раз читала и слышала, когда кто-то попадал в похожие или примерные ситуации, вещали: «У меня вся жизнь пролетела перед глазами...» «Вспомнились все молитвы...», ну и тому подобное.

Так вот. У меня перед глазами совсем ничего не пролетело.

Да я вообще забыла обо всем! А от животного страха, пронизавшего каждую клеточку моего брэнного и почти мертвого от ужаса тельца, и вовсе перехватило дыхание. Только и могла, что открывать-закрывать рот и пытаться замедлить движение или, на худой конец, выровняться.

Безуспешно.

Сколько училась, и все без толку. Все знания словно выветрились из головы, оставив зияющую пустоту.

Меня неминуемо тянуло вниз. И как я ни пыталась выровнять движения тела, не получалось.

Совсем ничего.

И пришло оно — отчаянное смирение со своей участью и

сожаление, что так и не попрощалась с Алинкой и матушкой.

Эх. Как они там будут без меня?

– Не вернусь, – грустно прошептала побелевшими губами, наконец понимая, зачем альпинистам нужны были фразы-удачи. А пятая точка-то, чувствуя приближающуюся землю и весь писец, в который ее хозяйка попала... в общем, поджалась.

Только робкая надежда мелькала, что снег не даст мне расшибиться в лепешку. А то, не хотелось бы закрытый гроб, знаете ли.

Боже, о чем я только думаю?

Крепко зажмурившись, кое-как сгруппировавшись, приготовилась удариться, но что-то пошло не так.

Мой рюкзак, а за ним и спина с разгону впечатались во что-то мягкое, больно приложив, вышибая из меня весь дух и воздух из легких.

– Мяу! – краем уха услышала возмущенное мяуканье пополам с шипением.

«Откуда здесь кошки?» – удивленно подумала, пока еще могла думать, а перед глазами стояла мутная пелена.

Проморгавшись, почувствовала, как мой рюкзак заходил ходуном.

Ничего себе у меня глюки на фоне смерти.

Дела...

– Что за?! – рывкнули на ухо бархатным, мужским таким голосом, перед тем как офигевший от всей этой ситуации

мозг подумал, что ему достаточно и, помахав ручкой, выключился.

Но перед этим меня посетила абсурдная мыслишка:

«В горах водятся кошки-человеки? Или у человека была кошка, которую я случайно убила собой?»»

Глава 6

Айсар

Приехав рано утром в снежный Ранейск в предварительно заказанный и оплаченный домик неподалеку от известной горы — Альтарины, удовлетворенно оглядел свои временные владения.

Домик мне понравился. Небольшой, в тихой местности.

Единственное, что мне не слишком пришлось по душе — это близость к самой горе. К которой часто ходили люди. Кто на экскурсии, кто совсем отчаянный — пощекотать себе нервы скалолазанием.

Моему зверю это не нравилось, как и мне самому.

Но, увы, этот дом был единственным свободным, где я мог спокойно выпустить зверя и побегать, побаловаться снежком. Не слишком боясь быть кем-то замеченным.

Мой зверь — снежный барс или, как еще называют мой вид, — ирбис.

Обычно у барсов шкурка пятнистая, да и «снежный» — только одно название.

Но не у меня. Я уродился действительно снежным.

И первое время, будучи котенком, сильно паниковал и стеснялся своего такого сильно отличающегося зверя, сторо-

нясь других котят. И это в будущем наложило свой отпечаток.

Снежные барсы — весьма дружелюбные и спокойные оборотни. Многие называют моих сородичей безэмоциональными. Но это люди, конечно. Другие оборотни — медведи, лисы, волки — с пониманием относятся к снежным.

Что интересно, все снежные, не только барсы, но и медведи — холодные и спокойные, будто природа сама наносит свой отпечаток.

К примеру?

Взять тех же огненных лис. Вот, где взрывной характер и повышенная эмоциональность, а также склонность ко всяким шуточкам.

Усмехнувшись, поднялся со ступеней, отряхнул от снега футболку и, войдя в дом, сразу же направился в выбранную комнату, собираясь принять душ и переодеться.

Распечатывать чемодан не собирался. В Ранейске надолго не задержусь, всего на несколько дней, такой вот своеобразный одиночный отдых.

Закончив все «домашние дела», выглянул в окно. Зверь недовольно заворочался под кожей, настаивая выпустить его и дать размяться.

Немного подумав, согласился.

Своего зверя выпускал несколько месяцев назад. Крайне долго и опасно для оборотней, так и до потери контроля недалеко.

А это было бы скверно.

Раздевшись, перекинулся и отправился на пробежку.

Зверь радостно урчал, получив долгожданную свободу и посылая мне образы-картинки заснеженного хвойного леса и недалекой горы.

Вдоволь набегавшись и нарезвившись, уже собрался домой, как зверь, заупрямившись, помчался к горе.

Изумившись такому поведению, досадливо поморщился. Вот уж чего не хотелось, так это близко подходить к Альтарине, рискуя нарваться на людей.

Жаль, что со звериной половиной не было никакой возможности общаться. Только интуитивное понимание мысленных образов и картинки. Если бы барс умел говорить, всяко было бы проще.

Но решил не препятствовать, в Столице вряд ли в ближайшем будущем найдется время для пробежки в зверином облики.

Но то, что произошло дальше, заставило меня сильно пожалеть о своем решении.

Когда пробежал близко к подножию и принохивался, на меня внезапно что-то свалилось, больно придавив к земле.

От неожиданности мякнул. А когда понял, что, а точнее кто, на меня свалился, вытаращил глаза, раскрыв пасть от возмущения.

Человек!

На меня рухнул человек. Вот же идиот!

Скинул с себя явно находившегося в отключке, странно притихшего человека — если не мертвого, конечно... Хрупкому человеку рухнуть с такой высоты... Могло закончиться смертельным исходом, — перекинулся.

Повернув голову в сторону этого идиота, рыкнул:

– Что за?..

От увиденного слова застряли в горе, а глаз нервно дернулся.

На меня рухнула женщина. Она действительно была без чувств, хоть и живая.

«Как только не убилась?» — думал, ощупывая хрупкую фигурку.

Аккуратно сняв защитный шлем, пораженно замер, стараясь не расхохотаться истерическим смехом.

Она даже не женщина. Рыжеволосая, мать его, девочка!

Осторожно подхватив свою добычу на руки, закинул ее совсем нелегкий рюкзак на спину, потащил в свою пеще... к-хм, домик. Очень надеясь на то, что с девочкой ничего непоправимого не случилось.

Всю дорогу, пока щеголял голой задницей, мысленно молился, чтобы случайно не нарваться на какого-нибудь гуляющего человека.

Но, к счастью, все обошлось.

Дорога во временное пристанище прошла спокойно.

В домике было две спальни. На втором этаже одну из них занял я, а вторая оставалась свободной, вот именно туда я и

направился со своей ценной ношей.

Аккуратно положил девушку на кровать, предварительно скинув рюкзак, особо не заботясь о его содержимом, опустился на колени, внимательно всматриваясь в спокойные черты лица.

Симпатичная. Не модельная красавица, как наши женщины, но очень милая.

И признаться, мне даже нравилась такая естественная красота. В моем мире таких невинных, вкусных девочек... ох, что-то меня понесло... В общем, таких у нас, не было.

Тряхнув головой, сдвинул брови, принюхиваясь к запаху девочки... и изумленно распахнул глаза.

Нет. Не может быть!

Зверь почувствовал то же, что и я сам, взволнованно завозился, скуля и прося вдохнуть запах девочки глубже, насытиться, а затем взять и...

Стоп!

Шикнув на зверя, который в ответ обиженно рыкнул, осторожно прикоснулся к нежной, слегка румяной от мороза щеке.

Моя девочка. Моя! Наша!

Нашли!

У нас — оборотней, хоть и редко, но встречались созданные друг для друга половинки. Идеальная пара оборотня. Мы их называли – предначертанными или предназначенными.

ми. И когда оборотень находил такую половинку, уже не мог отпустить.

Да и, признаться, никто этого уже и не хотел.

У таких вот идеальных пар союзы всегда были счастливыми и крепкими, а котята или любой другой оборотень — будь то медведь или лисенок, в общем, неважно, рождались сильными и обязательно становились лидерами.

И я неожиданно встретил свою.

И где? В Ранийске!

Вот так сюрприз.

Но какой ценный и приятный.

Р-р. Моя!

Принюхавшись, нахмурился. Девочка определенно была человеком. А предначертанная пара оборотня «человек — оборотень» встречалась еще реже.

Дело в том, что век оборотня был ненамного, но дольше, чем человеческий — примерно на пятьдесят лет.

Приглядевшись, мысленно отметил, что моей человеческой самочке примерно от семнадцати до двадцати пяти лет, и сразу расслабился, улыбнувшись.

Это определенно было хорошей новостью.

Мне уже было сорок пять, а это значит, что без своей половины я если и проживу, то недолго.

Нагнувшись, уткнулся в мягкие волосики, блаженно вдыхая приятный, немного морозный с примесью луговых цветов, запах малышки.

Мой зверь удовлетворенно заурчал, без моего на то позволения выбрался, моя челюсть вытянулась и уже нечеловеческим, уплотненным языком прошелся по сладкой щечке, оставляя за собой влажный след.

Вкусная. Моя!

Барс внутри рыкнул, не собираясь на этом останавливаться, но я был начеку. Приструнив его, отчего он расстроено рыкнул, строго сказал, что если малышка проснется — точно испугается, и тогда даже хвостика ее не увидим.

Зверь недовольно заскулил, но спорить не стал.

А я, улыбнувшись, чуть отстранился, медленно, словно раскрывая подарок, высвободил ее из специального защитного костюма, в частности, благодаря которому ее слабые косточки остались целыми, без серьезных повреждений.

И, когда дошел до белья, не смог удержаться от веселого тихого смешка.

Она была в трусиках на меху. Смешная и такая моя. Умная девочка. Все ценное надо держать в тепле.

Нам еще котятки нужны.

Но вся веселость притупилась, когда заметил ее поцарапанное и местами ушибленное тельце в хоть и мелких, но порезах!

И вот тогда я с ужасом понял, как мне повезло оказаться в том месте и уберечь свою самочку от беды.

Зверь внутри гордо заурчал, и я мысленно поблагодарил его за спасение нашей половинки.

Он молодец.

Волосы зашевелились от страха. Перед глазами встала живая картина изломанного хрупкого и уже полюбившегося тельца.

Вряд ли я смог перенести такую страшную утрату.

Зверь, считав мои картинки, обеспокоенно зарычал, заставляя меня потереться и прислушаться к мирно бившемуся под моей щекой сердечку девочки.

Обошлось.

Тряхнув головой, прогнал страшные мысли о том, что мой котенок могла не выжить, если бы по счастливой случайности не рухнула на меня. Поднялся и, постоянно настороженно оборачиваясь, прислушиваясь, быстрым шагом сходил в свою комнату, выбрал для своей самочки черную длинную майку, радуясь, как ребенок, что мою пару будет недолгое время окутывать мой запах.

Зверь тоже был обеспокоен состоянием нашей предначертанной, но, на удивление, притих, давая своей человеческой половине позаботиться о девочке.

Осторожно обтерев хрупкое тело влажным полотенцем, уселся напротив кровати, гипнотизируя желанное, манящее тельце девушки.

Выглянув в окно, нахмурился: сколько она будет спать?

О природе человека я знал немного. Оборотень уже бы восстановился, а человеку сколько нужно?

«Подождем», – решил, поудобней устроился в кресле, не

сводя с нее жадного, внимательного взгляда.

Помимо обеспокоенности за ее состояние, я все же был очень рад и горд обретением пары.

Но вот вопрос. Как ей-то теперь рассказать о том, что она больше не свободна?

Зверь недовольно завозился. Он не понимал. Не мог понять, почему человеческая половина обеспокоена тем, что наша пара может быть нами недовольна, а я не мог ему объяснить.

Нет, не упущу. Если потребуется, цепями и нежностью привяжу. Буду ходить по пятам, но она будет моей.

Решив все для себя, удовлетворенно кивнул, наконец успокаиваясь.

Тоскливо посмотрел на безмятежное личико девочки, покачал головой. Крепко ей досталось. Скользнул взглядом по бледным потрескавшимся на ветру губам, пробежался по линии носа.

А волосы-то у нее не рыжие. Скорее медного оттенка и даже выгоревшие прядки имеются. Как и легкий загар.

Девочка была не из Ранейска. Скорее всего, из Столицы.

Столица. Через несколько недель должен был состояться мой переезд, уже были подготовлены все документы и даже куплена большая однокомнатная квартира.

Теперь-то квартиру надо будет приобрести побольше. А там, может, и котята пойдут.

Довольно зажмурившись, представил наших маленьких котят с медными волосиками и даже облизнулся. Перед глазами встал процесс их зачатия.

О, да!

Желание хлестнуло по нервам, а мужской орган напрягся. Поерзав, решил ополоснуться под холодным душем. Но он не слишком помог. Повздыхав, поплелся на кухню, быстро перекусил и снова занял свой пост.

Чтобы не думать о таком желанном сейчас теле, переключился на будущее место работы.

Несколько недель назад я выкупил часть крупной фирмы, занимающей свою нишу в машиностроении. О, ничего такого серьезного. Просто продажа автозапчастей, раритетных автомобилей и даже кое-что из электроники. Этим занималась основная фирма «КотоффИнкорпорейшен». Директором которой, что меня поразило, была женщина.

Котикова Лизавета.

Занятная штучка. Я уже был наслышан о ее стервозном характере. Так же, как и о ее доченьке, занимающей пост личного помощника.

Ну, а это меня совсем не удивило.

Родственные связи, чтоб их.

Уверен, девчонка и половины не знает и, соответственно, не исполняет из того, что должен знать личный помощник директора такой крупной корпорации.

Были еще несколько филиалов, занимающихся тем же,

что и головной. Кроме побочной электроники.

Устало вздохнув, поморщился: всего несколько недель — и...

Что будет через это "и", додумать не успел.

Девчонка, порывисто вздохнув, заворочалась, и я замер, жадно вглядываясь в беспокойные черты лица.

Вот она, широко зевнув, перевернулась на бок лицом ко мне. Ее ресницы затрепетали, а глаза сонно распахнулись.

Мое сердце дрогнуло, встретившись с самыми прекрасными, но почему-то испуганными глазками, что я видел — цвета весеннего неба.

Я определенно попал!

* * *

Лара

Мне снилось что-то приятное. Меня сначала осторожно куда-то несли, и я чувствовала самый прекрасный аромат на свете, с таким пряными и мятными нотками, м-м-м.

Никогда еще не чувствовала настолько вкусный запах.

Затем ласковые руки медленно раздевали, и я все пыталась разглядеть, кто же там такой вкусенький, но не могла.

А проснулась неожиданно резко, словно от толчка, не сразу соображая, где я, кто я и что я, вообще.

Повернувшись на бок, поморщилась от боли в мышцах, сонно подумав: «Неужели снова грохнулась с тренировочной скалы?»

И тут воспоминания затопили. Мой приезд в Ранйск. Неприветливая девушка с большой грудью. Беллбой, да. Альтарина и... Падение.

Божечки. Я что, мертва?!

Мама меня убьет. Ой, нет. Найдет. Воскресит, а затем снова убьет!

Испуганно распахнув глаза, натолкнулась на пристальный, настороженный взгляд самых прекрасных мужских голубых глаз.

Не бывает настолько красивых мужиков, Лара. Дело, похоже, дрянь.

Сглотнув слюну в пересохшем горле, с дрогнувшим сердцем прошептала:

– Ты ангел, да? Я умерла?

Самый очаровательный и сексуальный на свете мужчина растерянно захлопал глазами, явно не ожидая от меня такого вопроса. Однако всего через несколько мгновений недоуменной тишины в его глазах мелькнуло понимание.

Улыбнувшись краешком слегка припухлых губ, он негромко ответил:

– Нет, девочка. Ты упала с горы, но не расшиблась.

От чувственного бархатного голоса у меня сбилось дыхание, а по телу пробежались толпы маленьких мурашек. Или, может, я заболела? Простудилась, когда лежала в снегу? Или, может, я до сих пор там лежу, а этот красивый мужчина попросту мне снится?

Он мой бред?

Ведь не бывает настолько красивых. Мощное, но не перекачанное поджарое тело в белой майке-борцовке, полностью открывающей сильные руки. Короткие белые – именно белые, не светлые, а белые, что меня совсем поразило, волосы – широкие густые светлые брови. Прямой нос и припухшие губы, не слишком пухлые. Вот не знаю, такие, как надо.

От понимания, что этот мужчина — мой бред, я немного расстроилась. Очень жаль.

Хотя, если подумать, вот была бы жива, такой очаровашка вряд ли посмотрел на такую простую и обычную меня.

Так что, тут как посмотреть. Вот он, сидит и смотрит, а еще улыбается, да так, что внутри все горит и дрожит от этого проникновенного взгляда.

А еще я неожиданно вспомнила, что когда падала, случайно убила кошку.

Н-да, кошку было жальче всего.

В общем, неожиданно даже для себя, жалобно тихо поделилась своей печалью с незнакомым красавцем:

– А я убила кошку.

Густые брови мужчины поползли к волосам, он словно закаменел, а затем, вдруг расслабившись, тихо рассмеялся:

– Нет. Никакой кошки там не было, малышка.

– Не было? – удивилась, завозившись и устраиваясь поудобнее, еще и кулачок под щеку положила.

Только щека почему-то оказалось чуть мокрой. А незнакомец, встретившись со мной взглядом, неожиданно и очень мило смутился. Но мало ли что или кто в моем бреде смущается.

Я бы тоже смутилась, будь он реальным. Но он не живой, и я, наверное, тоже. А потому можно все.

– Не было, – тепло улыбнулся мужчина, становясь еще прекрасней, я даже тихо, восторженно так вздохнула. – Я нашел тебя без сознания у горы и принес сюда.

– А сюда — это где? – приподнялась, с интересом завертев головой.

За всеми переживаниями о моей, скорее всего, смерти я даже не осмотрелась.

Я лежала на небольшой, но удобной кровати, напротив которой стояли маленький стеклянный столик и два кресла. В одном из них и сидел мужчина. Также в комнатке был обычный деревянный двухдверный шкаф, маленький прикроватный коврик, и все.

Но если быть честной, мне нравилось. Уютненько так.

– Мы недалеко от Альтарины, буквально в двадцати минутах ходьбы. Я снял этот домик на несколько недель.

Он, нахмурившись, поднялся и, подойдя ко мне в один шаг, аккуратно прикоснулся ко лбу.

– Горячий, – покачало головой мое очаровательное видение. – Я видел в твоём рюкзаке аптечку, там может быть градусник?

А я, кажется, зависла. О каком градуснике он спрашивает? Это что, не сон?

– Так вы живой? Настоящий? – ахнула, прикоснувшись к его чуть прохладной руке и отчего-то перейдя случайно на вы.

Подняв глаза на мужчину, с надеждой заглянула в лицо.

Ох, лучше бы я этого не делала.

Вблизи его внешность была еще нереальной.

Красивый овал лица, упрямый подбородок, четкий изгиб немного пухлых губ. Блин! Таким губами только целовать! Спокойно, Лара. Спокойно. Прямой нос.

Идеальный такой нос, хм, а что дальше?

Подняв глаза, отпрянула, столкнувшись с холодными голубыми, с чуть вытянутым, как у кошек, зрачком, глазами.

Крепко зажмурившись, пискнула:

– Папочки!

Глава 7

Лара

– Папочки? – улыбнулся он.

Но затем, явно увидев мою панику, нахмурился, отошел на шаг и обеспокоенно спросил:

– Девочка? Тебе плохо?

Нет, блин! Мне шикарно!

Но вслух ответила другое, боясь открыть глаза и встретить то самое — непонятное:

– Не-ет. Так вы настоящий? И ваши глаза, что с ними?

Мужчина молчал, а я с каждой минутой нервничала все больше. Чего он молчит, а?

Нет или да. Настоящий, или это мой персональный глюк?

Что, так сложно ответить?!

– Глаза? Посмотри на меня, – вдруг попросил он. И я сглотнула. – Пожалуйста.

От его бархатного голоса с хрипотцой по телу пробежали мурашки.

Да это надо запретить законом — разговаривать такими голосами!

Но все же медленно, опасливо распахнула глаза, встретившись хоть и с холодно-голубыми, но совершенно обычны-

ми, слегка раскосыми глазами с нормальным, человеческим круглым зрачком.

– Показалось, – расслабленно выдохнула.

И уже по порядку, честно ответила:

– Градусника у меня нет. Но есть жаропонижающие таблетки, а еще — кое-какая сменная одежда. Взяла на всякий случай, вот и пригодится. Если она, конечно, все еще целая, – тихо пробормотала.

Стало немного грустно и тоскливо от своей глупости.

Это надо же, чуть не убились из-за своего глупого желания что-то себе доказать и вон... Если бы не этот красивый мужчина...

– Спасибо, – искренне поблагодарила его, заглянув в манящие глаза. Он непонимающе моргнул, и я поспешила пояснить: – За то, что спасли и не оставили там, возле горы. Принесли сюда и обогрели. Спасибо. Если бы не вы...

– Айс.

– Что? – удивленно спросила, поднимая голову.

– Мое имя — Айсар. Но тебе можно называть сокращенную версию моего имени, – он улыбнулся краешками губ и по-дружески потянул руку. – Айс.

– Айсар? – повторила, глупо улыбнулась и, спохватившись, быстро пожала кончики пальцев мужчины, удивляясь, какая приятная, немного прохладная на ощупь его ладонь. – Вам идет.

Меня затопило смущение. Потупившись, нервным движе-

нием заложила за ухо выбившуюся из косы прядь волос.

– Ты.

– Что? – снова глупо захлопала ресницами.

Рядом с ним я чувствовала себя на удивление глупо. И это бойкая я? Совсем не похоже!

И если быть честной, не сказать, что мне это чувство нравилось. Но почему-то нравилось находиться рядом с этим незнакомым мужчиной.

Я чувствовала себя с ним защищенной.

Странное чувство к незнакомому мужику.

Странное и непонятное.

– Давай на ты, хорошо? – и когда я согласно кивнула, спросил: – А твое имя?

Встрепенувшись, выпалила:

– Лара.

А про себя упрекнула:

«Лара, Лара, с таким мужчиной всю голову потеряла. Где твоя врожденная вежливость?!»

– Ла-а-ра, – мурлыкающе протянул он, словно пробуя мое имя на вкус, и довольно кивнул: – Красивое.

Смутившись, опустила ресницы.

Да, Ларка, ты ли это? Вот уж нет.

– Хорошо, Лара. Я думаю, у тебя много вопросов. И я обязательно на них отвечу, но сначала, давай, приводи себя в порядок и спускайся вниз, думаю, столовую ты сама найдешь.

Он вопросительно поднял брови, а я быстро закивала. Ко-

нечно, найду, не беспомощная ведь.

Взгляд Айсара потеплел, становясь волнительно нежным.

Удивительный все же мужчина. Да, неземной.

Улыбнувшись, Айсар рукой растрепал свои красивые белые волосы.

– Ванная комната за этой дверью, – указал он на узкую дверь прямо за моей кроватью. – Твой рюкзак я взял починить. Там, – мужчина неожиданно снова мило смутился, от чего у меня непроизвольно от изумления и умиления открылся рот, – молния сломалась.

* * *

Айсар

Как же сложно находиться с ней рядом и не иметь возможности коснуться.

Убийственно сложно.

Вдохнув напоследок запах девочки, подавив довольное мурчание зверя, быстро вышел из комнаты и только тогда осторожно поправил хозяйство в штанах.

Да, это будет тяжело. Очень тяжело. А если вспомнить, с каким священным ужасом она уставилась на мои вытянувшиеся зрачки...

– Проверил реакцию? – досадливо зашипел на зверя. Ведь это была его идея. Проверить, как отреагирует малышка на нас, пока еще сама находится в стрессе и плохо осознает происходящее. – Доволен?

Зверь жалобно заскулил, и я, раздраженно рыкнув, привалился к стене и на секунду прикрыл глаза.

Как мне справиться с собой, Лара?

И тут я с ужасом подумал: «А что, если она захочет сразу уйти? Городок-то недалеко. Всего чуть больше часа езды».

Мой зверь сразу же подкинул мне несколько картинок того, как он на спине катает нашу девочку, а затем, довольный собой, везет ее в город.

Точно! Как я сразу не подумал.

До города больше часа езды! Езды! Не пойдет же моя Лара пешком, это очень далеко. И машины как раз у меня не было.

В ней просто не было на данный момент необходимости. Ведь через несколько дней должен был приехать мой друг.

Лара. Не пойдет. Пешком.

Барс довольно рыкнул, завозившись, и я, повеселев, как мальчишка, вприпрыжку поскакал на первый этаж.

Моя девочка, хоть недолго, но будет со мной!

У нее просто не будет выбора. А там я... хм.

* * *

Лара

Идеальный и такой мой мужчина ушел, а я так и стояла, растерянно хлопая ресницами и широко, мечтательно улыбаясь.

Мой.

О боже, Лара, ты назвала его своим? Уже?!

Но какой же он все-таки... сексуальный.

Да, да, я успела кинуть смущенный взгляд на его подтянутую по... нижние девяносто, чуть не подавившись слюной.

Уж поверьте, там было на что смотреть.

Да и сам мужчина показался мне вполне адекватным.

Хороший такой. Вон, рюкзак взял починить. Хотя, возможно, сам случайно его и сломал. Но что уж тут.

Да и признаков маньячности я в нем не нашла. Не то чтобы я была специалистом по маньякам, но этот экземпляр мне таковым не показался.

Спокойный и даже какой-то отстраненно-холодный, да. Но нежный и чуткий. И уж точно не маньяк.

Да и какой маньяк, спрашивается, будет готовить еду для своей жертвы?

Нормальный маньяк давно бы уже воспользовался беспомощной и красивой мной.

Кстати о маньяках.

Вспомнить, с каким выражением я поглядывала вслед Айсару... В общем, я на его месте точно бы себя испугалась.

Но он этого не видел. И слава богу, а то точно говорю — покраснела бы не меньше Алинки.

Хихикнув, одернула длинную, почти до колен, черную майку, принюхалась к исходящему от нее запаху и блаженно зажмурилась, почувствовав самый вкусный аромат на свете. Потерлась щекой о майку, благоговейно вздохнув.

Представив, как я выгляжу со стороны, поежилась. Стою такая с дебильной улыбочкой от уха до уха и, потираясь щеками о майку незнакомого и чужого мужчины, только что слюнями не капаю.

Обалдело замерла.

Ну, точно, Ларка — вот кто из вас двоих маньяк, так это ты.

Покачав головой, все с такой же дурацкой улыбкой потопала в ванную, стараясь не морщиться от боли в мышцах и двигаться быстрее.

Честно сказать, мне хотелось снова увидеть Айсара, потому, заработав ногами в усиленном темпе, зашла в ванную, включила свет и встала напротив зеркала, чтобы умыться. Испуганно отшатнулась, ойкнув.

– Да, Ларка, с такой рожей тебя бы и маньяк испугался.

Это с таким лицом меня и нашел Айсар?!

Кошмар. Ужас и страх.

Да это катастрофа!

В кои-то веки мужчина понравился, и на тебе.

Да я выгляжу как пугало огородное. Краше в гроб кладут.

Одни волосы чего стоили.

Еще утром аккуратная косичка растрепалась, превратившись в какой-то колтунистый хвост. Узкие щелки глаз, нездоровый землистый оттенок лица, потрескавшиеся на ветру губы.

Покачав головой, умылась. Пальцами расчесала волосы и

заплела из более-менее уже нормальных прядок тугую косу. Затем потопала искать очаровательного мужчину.

Втайне надеясь, что он не сбежал от такой красотики, как я.

Эх, Лара.

* * *

Оказавшись в небольшом коридорчике, увидела напротив той двери, из которой вышла сама, еще одну.

Она ничем не отличалась от моей. Небольшая, из светлого дерева. Кроме этой двери, была еще одна такая же светлая.

Я предположила, что, скорее всего, — либо общая душевая комната, либо бельевая комната. А может, и то, и другое.

Я видела такие комнаты, чаще всего разделенные на две части. Одна часть была обустроена под ванную, а во второй чаще всего хранилось белье, полотенца и тому подобные вещи.

Немного потоптавшись на месте, медленно пошла в сторону деревянной лестницы, по дороге мысленно подмечая, что домик, скорее всего, является гостевым.

Ну, такие, в которые семьи приезжают только по выходным или на отдых. Или же еще проще, он был съемным. И тот сексуальный мужчина как раз именно снял этот дом на выходные.

Вспомнив его подтянутую поп... к-хм, нижние девяносто, покраснела, мысленно радуясь, что на моем лице от природы почти незаметен стыдливый румянец.

В отличие от моей подружки Алинки. У нее-то как раз с этим всегда были проблемы. Стоило Алине устыдиться, как она становилась красная как помидор, так же на нее действовал и алкоголь. Один бокал вина — и все... Лицо а-ля помидорио обеспечено.

Тихо хихикнув, ступила с последней ступеньки, оказавшись в маленьком, но уютном холле.

Напротив лестницы, с которой я и спустилась, была расположена входная дверь. По левую сторону был вход в явно кухонную зону, а по правую — большие раздвижные и в этот момент закрытые двери.

Вздыхнула, собирая храбрость, потопала на вкусные запахи мяса и, пройдя в арку без двери, как и думала, очутилась в на удивление большой кухне.

Хотя, если подумать, это была не совсем кухня. Скорее гостиная, разделенная на кухонную зону и диванчик с большим столом.

Возле плиты в белом аккуратном передничке — тут я снова тихо хихикнула, расплывшись в глупой улыбочке, — с лопаткой наперевес спиной ко мне стоял беловолосый мужчина.

Не знаю, как — потому что я стояла довольно далеко от него, — но он то ли почувствовал мое приближение, то ли услышал шаги, — обернулся, впери в меня внимательный, прохладный взгляд.

Сглотнув, неожиданно засмушалась, сделав самую свою

большую глупость — тупость.

Боже, Лара.

Переступив с ноги на ногу, неловко помахала рукой, выдавив:

– Привет.

Взгляд Айсара потеплел, он легко улыбнулся и указал лопаткой на диванчик, придвинутый к столу:

– Еще раз здравствуй, Лара. Пожалуйста, присаживайся, ужин почти готов.

От его проникновенного, чуткого голоса и от того, как он произнес мое имя – с его губ это выходило как-то уж совсем по-особенному, — внутри все сладко сжалось и затрепетало.

В общем, смутилась я еще больше.

Господи, позорище.

Коротко кивнув, стараясь не смотреть на мощную спину и украдкой подтирая слюни, так и грозившиеся скатиться с моего рта, проскользнула к диванчику, грузно рухнула на него и уставилась на свои ногти.

Но мой взгляд то и дело сам косился на ровную, крепкую спину мужчины, а его руки... О, эти руки. Сильные, жилистые, такие... такие.

«Лара! – дала себе мысленный подзатыльник. – Подбери слюни и прикрой рот! Этот мужчина не для тебя. Рожей ты не вышла Лара, рожей! На таких, как ты, такие идеальные красавцы даже и не смотрят!»

Мысленно себя попинав, тихо вздохнула, расстроившись.

Украдкой подняла глаза, тихонько рассматривая Айсара, перекладывающего готовое вкусное мясо на тарелки, и еще тоскливей, чем раньше, вздохнула.

Нет, ну, что за несправедливость, а?

Почему у нас таких красивых и статных мужчин не делают?

Прям злость берет.

Кста-ати, а откуда Айсар вообще приехал-то? И почему? Надо будет аккуратненько уточнить. Так, между прочим, ага.

«Айсар», – мечтательно зажмурилась. – «Ему действительно идет. Одни голубые, холодного оттенка, глаза чего стоят. И светлая кожа... Да-а».

И имя красивое. Необычное такое.

Почему-то даже мысленно я не могла назвать этого мужчину сокращенным именем, как он сам разрешил себя называть.

Айс, конечно, тоже ничего, но не то. Не могу объяснить, что мне не нравилось. В общем, Айсар мне нравилось много больше.

– О чем задумалась? – услышала рядом вкрадчивый бархатный голос. На секунду мне показалось, что в его голосе скользнули рычащие нотки.

Вздвогнув от неожиданности, вскинула голову, встретившись с горящими голубыми глазами.

Мужчина улыбнулся краешком губ и поставил передо мной одну тарелку с мясом и овощами, а другую, с таким же

наполнением, только чуть больше по содержанию, напротив.

«О тебе!» – чуть не ляпнула на его вопрос.

Боже, Лара, ты неисправима. Хватит думать о бедном мужчине, которого ты мысленно несколько раз грязно и очень жарко использовала. Ай, ай, плохая девочка!

И вообще, что за рычащие нотки? Фантазерка.

То у представителей содиректора нашей фирмы мурчаще-рычащие нотки в голосе и глаза с узким зрачком, то вон у Айсара.

Приглядевшись к мужчине, невольно ахнула, так он оказался похож на тех мужчин, которые приехали в нашу фирму от будущего содиректора.

Особенно на светловолосого и немолодого.

Тряхнув головой, нахмурилась. Ну, нет, это уже ни в какие ворота, Лара.

Успокойся. Витамины, что ли, попить для профилактики? А то, действительно, всякое кажется.

Или, может, покреститься? Не зря же такая поговорка существует.

Хмыкнув, встретилась с Айсаром взглядом, вздрогнула и даже невольно побледнела.

Свет лампы, когда мужчина слегка наклонился, упал таким образом, что его глаза на миг сверкнули в этом свете, как у...

Все, больше никого фэнтези про оборотней, Лара!

Даже и не думай о тех красивых книжечках в интернете с красочными обложечками.

Нет и нет!

Вовремя куснув себя за щеку, ответила другое:

– Ни о чем серьезном, кроме того, что я свалилась тебе, хм, можно сказать, прямо на голову, едва не погибнув. И теперь не слишком понимаю, что мне делать.

Мужчина, напрягшись, посерьезнел и, кивнув, безмятежно ответил:

– Давай так: мы сейчас спокойно поужинаем, а после поговорим, хорошо?

– Да, согласна, – не раздумывая ответила и слабо улыбнулась.

Мужчина расслабился и, подойдя к одному из закрытых навесных шкафчиков, потянулся к нему, собираясь открыть...

Я в этот момент внимательно, с какой-то голодной жадностью — ужас, ужас, — наблюдала за его плавными, легкими шагами и действиями. Не понимала, как у него так получается, так вот плавно ходить. Но не слишком заостряла на этом внимание.

Вот Айсар потянулся к ручке шкафчика и вдруг хрипло спросил:

– Вина? Красное или белое?

– Прости, Айсар, – с удовольствием протянула его имя, чуть сама не замурчав от наслаждения и того, как его имя слетело с моих губ. – Я очень редко пью алкоголь. Можно чай? Для кофе уже несколько поздновато.

Мужчина невозмутимо кивнул, и только дернувшаяся вверх бровь сказала мне о том, что он удивлен моим выбором.

Айсар подошел к другому шкафчику и, распахнув, глухо спросил:

– Черный или зеленый? Есть с фруктами.

– Давай зеленый, – без лишних раздумий ответила.

Мне вообще в принципе было все равно, какой чай пить.

Черный, зеленый, да хоть фиолетовый. Я их не слишком-то различала, предпочитая пить терпкий, горький черный кофе.

Но я знаю себя: если выберу этот напиток, то просто не усну. А выспаться было нужно.

Мужчина ловко заварил рассыпчатый чай из дорогой пачки. Точно такой же чай элитных сортов предпочитала пить моя матушка, к слову, так же, как и я сама, крайне редко.

Но я не слишком удивилась, ведь сразу заметила, что мужчина далеко не беден.

Откуда я узнала?

Ну, во-первых — снять подобный домик на несколько дней уже стоило круглую сумму. Да даже мое проживание в гостинице обошлось мне в копеечку. Второе – брендовые

вещи. Один из ярлычков, который сейчас я могла наблюдать из-за кромки джинсов, высунулся, когда мужчина потянулся. И в третьих – у него были такие же наручные беленькие часики, как и у меня с Алинкой.

И я знала их стоимость.

И нет, мне не было смешно, что такой сильный мужчина, как Айсар, носит такие же часы, как и я сама.

Это универсальная модель, рассчитанная и для женщин, и для мужчин.

Напротив, мне стало даже почему-то приятно, что у нас имеются одинаковые вещи.

Тепло улыбнувшись Айсару, когда тот поставил передо мной просто огромных размеров чашку с чаем и, дождавшись, когда он сядет, пожелала приятного аппетита, кивнула на ответное пожелание и, с нетерпением отрезав маленький кусочек мяска, закинула его в рот.

И зажмурилась от удовольствия, едва не застонав. Ну, очень вкусно. Облизнувшись, слизывая сок, распахнула глаза... Натолкнулась на потемневший до синевы внимательный, жадный взгляд мужчины.

Смутившись, отвела глаза, кроша помидор на маленькие кусочки. Кушать как-то перехотелось.

А захотелось... Кое-чего совсем другого. К примеру, вместо этого мяса куснуть ароматную кожу Айсара.

Сглотнула, прогоняя опасные мысли, украдкой посмотрела на мужчину и сразу же столкнулась с его манящим голу-

бым взглядом и, не выдержав, брякнула, оттолкнув тарелку:

– Прости, аппетит пропал.

Айсар, неожиданно нахмурившись, потемнел лицом, ровно спросил:

– Поговорим?

Глава 8

Айсар

– Поговорим? – нахмурил я брови, отводя жадный взгляд от такой желанной женщины.

Своей женщины.

Но не все было так просто. Вот же, дьявол!

Я заметил смущение и то, как моя женщина прятала от меня свои красивые глазки. Такой расклад мне очень не понравился.

Конечно, я не ждал от Лары – какое все же красивое у моей пары имя, завозившийся внутри зверь довольно мурлыкнул, соглашаясь со мной, — каких-то активных шагов в мою сторону. Но и такой реакции от нее я точно не ожидал.

Нет, она не отпрыгивала от меня с криками: «Спасите!» и «Маньяк!», она вообще не проявляла ко мне...

Р-р-р.

К-хм, к нам! Неприятие.

Но замечал, как моя девочка была напряжена, когда увидела меня на кухне. Как робко и боязливо шагала к дивану. Как осторожно садилась, все так же напряженно смотря в мою спину.

Я чувствовал ее осторожный, опасливый взгляд каждой

своей клеточкой, а мой зверь недовольно рычал внутри. Ему пренебрежение со стороны нашей самочки не нравилось еще больше, чем мне.

А то, что она отказалась кушать, предпочитая прятаться от моих глаз, только украдкой поглядывая... стало для меня и моего зверя ударом.

Как мне справиться, Лара?

Как мне справиться с собой и не наброситься на тебя, срывающая эти шмотки с твоего красивого хрупкого тела?

Как придерживать своего зверя, готового вырваться и заклеить твоё хрупкое плечико?

Протяжно вздохнул, отгоняя образы голенькой и открытой для меня Лары, на этом самом столе, посмотрел в глаза своей девочке.

Она, покраснев, кивнула на мой вопрос и осторожно, словно боясь от меня именно того, что я и представлял, произнесла:

– Я не знаю с чего начать.

Девочка передернула плечами и, подвинув к себе горячую кружку, при этом отодвинувшись на стуле, обхватила ее ладошками, уставившись на плавающие в ней чайники и не смея поднять на меня глаза.

Надо говорить, что такое ее поведение в отношении меня, мягко говоря, привело в раздражение?

Стиснув зубы и успокаивая взволновавшегося барса, подавив утробный рык, сухо произнес:

– Давай начнем с того, что ты делала на Альтарине? Зачем пошла туда одна?

Лара вздохнула и коротко, словно выдавая справку, ответила:

– Я занимаюсь скалолазанием. Мой поход на Альтарину уже давно был идеей-фикс. Приехала я из Столицы, остановилась в гостинице.

Она вдруг замерла с открытым ртом и громко воскликнула, взволнованно подпрыгивая на диване:

– Айсар, боже, как я могла забыть?! Дырявая голова. Рюкзак! Там должен был быть телефон, если его, конечно, не раздавило. Блин! Если я завтра утром не позвоню своей маме, она меня пристрелит! А затем догонит и снова пристрелит. Господи!

Моя девочка вскочила на ноги и судорожно заметалась. Не смог сдержать ласковой щемящей улыбки. Чуть улыбнувшись, радуясь непонятно чему, поднялся и подошел к ней со спины, опустив свои руки на ее плечи. В который раз мысленно удивился: какая она хрупкая, и не раздавлю ли я ее, когда мы...

Помотав головой, спокойно ответил:

– Успокойся. В любом случае уже поздно звонить. Твоя мама уже спит. Вот завтра с утра позвонишь. Твой рюкзак в моей комнате, не беспокойся, перед сном я тебе его обязательно отдам.

Девушка напряглась в моих руках, и я грустно улыбнулся,

мечтая подольше подержать ее в своих цепких лапах и ожидая, что еще несколько минут — и она упорхнет.

Но Лара вдруг неожиданно резко развернулась и уткнулась в мою грудь носом, обвив меня за талию своими тонкими ручками.

У меня от изумления отпала челюсть, я машинально обхватил ее в ответ, притиснув сильнее, почти впечатывая в свое тело.

Опустив голову, глубоко вдохнул такой вкусный запах, исходивший от ее волос, тихо, утробно замурчал.

Девушка застыла и вскинула голову, посмотрев в мои глаза, а я замер, не в силах шелохнуться, гипнотизируя ее прекрасные, светлые глаза.

Моя девочка.

Зверь внутри завозился, рыкнув, чтобы я придвинул девочку ближе. Еще ближе. Он хотел вдыхать запах своей самки. Хотел ее всю.

И я его прекрасно понимал, но не мог позволить ему и себе испугать нашу пару, а посему с трудом расцепил руки, отошел на несколько шагов, негромко произнес:

– Ты можешь погостить у меня несколько дней. До города идти далеко, а машины у меня попросту нет, – заметив, как Лара вздрогнула и задумалась, поморщился от досады.

Как же сложно. Почему она не хочет быть со мной? Но, несмотря на внутреннюю боль, спокойно договорил:

– Тебе нечего переживать, я тебя не трону без твоего на

то дозволения. Через три дня придет мой друг и сможет отвезти тебя в город.

Лара погрузилась и опустила плечики. Господи. Не выдержав того, что моя пара настолько не хочет меня, что даже три дня для нее пытка, отвернулся, глухо, почти шепотом, произнес:

– Разговор окончен. Спокойной ночи, Лара.

Да уж, Айсар, ты попал. Что же делать?

* * *

Лара

Удивленно и растерянно смотрела в спину мужчины, не зная, что сказать в ответ на его сухое:

– Спокойной ночи, Лара.

Я вообще не понимала, почему его такое хорошее настроение вдруг резко изменилось по отношению ко мне. Стало холодным и немного резким.

Что я сделала не так?

После того, как я рассказала о своем любимом хобби, мужчина попросту закрылся. Неужели именно то, чем я занимаюсь, стало для него веской причиной отстраниться от меня?

Или я что-то себе надумываю?

Может, я не то что-то сказала?

Вспомнив, что и как говорила, недовольно нахмурилась.

Да, я выдавала краткую информацию, как я очутилась в Ранийске, не вдаваясь в подробности. Просто не посчитала нужным абсолютно все рассказывать сейчас о себе малоизвестному красивому мужчине.

Просто мне не хотелось грузить его подробностями о своей не слишком-то веселой и интересной жизни.

Что мне было рассказывать-то? Об учебе, работе, хобби. И... все?

Я жила, хм, можно сказать — скучно.

Да и ему было бы, наверное, неинтересно... слышать это все.

Но тогда почему он закрылся?

Подняв голову, посмотрела на напряженные плечи блондина и уже открыла рот, чтобы спросить у него самого... и, подавившись воздухом, закрыла, недовольно прищелкнув языком.

Нет. Не стоит, наверное, задавать свои глупые вопросы, еще больше нервируя гостеприимного Айсара. Мало ли какие у него могут быть проблемы?

Или плохое настроение.

«Не все крутится вокруг тебя, Лара», – грустно себя упрекнула. – «Далеко не все».

Вздыхнув, тихо пожелала спокойных снов мужчине и, развернувшись на пятках, медленно потопала вверх, в свою комнату, мысленно коря себя за то, что за эти несколько часов, которые знакома с этим очаровательным мужчиной, по-

хоже, успела влюбиться в него.

Как так получилось? Разве это возможно?

Может, я придумала эту влюбленность?

Но дело в том, что раньше-то я таких чувств ни к кому не испытывала.

Не испытывала потребность... кого-то хотеть настолько сильно коснуться. Слушать бархатный голос... желательно подольше. Смотреть в холодные голубые глаза. И слушать, как быстро бьется сердце.

Свое.

– Да, Лара, ты, похоже, вляпалась, – невесело усмехнулась, закрывая дверь, и вздрогнула от громкого стука прямо над своей макушкой.

Отпрыгнув от двери, резко ее распахнула, встретившись с уже таким полюбившимися голубыми глазами, робко улыбнулась.

Все еще хмурый мужчина протянул мне мой рюкзачок:

– Держи. Содержимое я не проверял, только молнию заменил. Но рюкзак на первый взгляд целый.

Забирая свою вещь из рук мужчины, невольно коснулась его запястья и вздрогнула от разряда, пробежавшего по моим пальцам и ладони.

Вскинув глаза, встретилась с задумчивым и потяжелевшим взглядом Айсара. Он тоже почувствовал?

Непонятно, чего испугалась, скорее всего, себя, что вот возьму и не сдержусь, наброшусь на него прямо здесь. Вот

ужас-то будет. Что обо мне потом Айсар думать будет? Пискнула:

– Спасибо большое и еще раз спокойной ночи.

Захлопнув перед ошарашенным мужчиной дверь, съехала по ней, рухнув на попу и уткнувшись в рюкзак, жалобно застонала.

– Ну, ты и сумасшедшая, Лара. Почему, когда я рядом с ним, такая глупая?

Посидев недолго на полу и попинав себя разными словами, поднялась и, скинув ношу на стеклянный столик, поплевалась в душ.

Мне срочно нужно было освежиться. Желательно под прохладной водой.

Остудить тело и голову. Срочно! Иначе я за себя не отвечаю.

Уж слишком неадекватна у меня реакция на этого мужчину.

Не-а-дек-ват-на. Кошмар.

Выйдя из душа, на ходу вытиралась и мелко потрясывалась от холода, в глубине души радуясь, что холодная вода помогла-таки остудить мысли. Открыла рюкзак, тут же вслух застонала.

Кроме запасного горнолыжного костюма, аптечки и куска веревки, в рюкзаке ничего не осталось. Скорее всего, остальные вещи вывалились при падении или когда мужчина нес меня в дом.

Я осталась без одежды. И даже без нижнего белья, кроме того, что было сейчас на мне.

Что же делать? Не спать же голой, я так не привыкла.

Лихорадочно закрутив головой, наткнулась на черную длинную майку, в которую меня передел мужчина. Сцапав ее и сразу надев, почувствовала себя много лучше.

Устало вздохнув, вытряхнула содержимое рюкзака на кресло, перебирая его.

Мои глаза сразу же нашли вроде бы живой телефон. Осторожно взяв его в руки, радостно улыбнулась.

Телефон был живой, но вот заряда было совсем мало.

Надо будет завтра спросить у Айсара, может, у него есть зарядка.

Проверив телефон на наличие пропущенных, увидела, кучу пропущенных звонков и сообщений. Господи... Даже думать не хочу, что мои родные себе надумали. Несколько раз звонила и писала матушка. И... двадцать три раза — Алинка.

Н-да, от подружки-то я больше получу тумачков, чем от родной матери.

Нервно хихикнув, положила мобильный на столик, решая, что лучше завтра утром проверю голосовые сообщения и обязательно перезвоню, улеглась в кровать и почти мгновенно уснула.

А рано утром меня разбудил чей-то очень пристальный взгляд и... громкое урчание-мурчание.

Не сразу понимая, что меня разбудило, сонно разлепила ресницы и, увидев, что, а точнее кто, стал причиной такого раннего, приятного, но в то же время тревожного пробуждения, широко распахнула глаза. Громко взвизгнув, кубарем слетела с кровати, в один миг очутившись в углу комнаты, вжавшись в него.

Тяжело надсадно дыша, смотрела на, мать его, большую, просто огромную кошку, развалившуюся там, где совсем недавно спокойненько лежали мои ноги.

Мамочки! Что же это? Как?!!

Как оно! Смогло пробраться в домик Айсара и, более того, пробраться в мою комнату?!

Так, стоп! А почему это оно меня до сих пор не сожрало? Вон как плотоядно смотрит.

И почему на мой визг не пришел сам мужчина? Неужели ничего не услышал?

А мне, мать его, что делать?

Сглотнув слюну с привкусом крови — видимо, от страха прокусила губу, — напряженно посмотрела на здоровенную кошку, которая внимательно гипнотизировала меня своими голубыми, светящимися в утреннем мраке глазищами, и... не двигалась с места.

«Почему она не двигается?» — как тараканы, пробежали в голове панические мысли. — «Почему сразу не сожрет, играет

с едой?»

Мамочки!

Крепко зажмурившись, боясь шевелиться, вспомнила все, что я знала о таких вот животных. Но из-за животного – как ни смешно — страха не могла вспомнить, к какому виду относилось данное животное.

В голове стало совсем пусто. И только храбро-трусливая мыслишка проскользнула:

«Так, Лара, соберись! Подумаешь, кошка. Кошек раньше не видела? Ой, мамочки... Та-аки-их — точно нет».

Тяжело вздохнув, осторожно приоткрыла один глаз, взглянула на утробно урчащего и принюхивающегося зверя, тихо хмыкнула – это, нервное, от того, как при, хм, вдохе кошка забавно шевелила белыми усищами.

«Занятно, а это он или она?» – заинтересованно подавшись вперед, пристальней взглянула на зверя, фиксируя краем сознания совершенно белую красивую гладкую шерстку.

Кошка настороженно замерла, но не двинулась, рассматривая меня в ответ.

Испугавшись, медленно отпрянула, дала себе мысленный подзатыльник:

«Господи, Лара, эта зверюга спокойно может сожрать тебя в любую минуту, и даже такой большой и сильный мужчина, как Айсар, тебе не поможет. Он вообще даже и не услышал твои громкие визги! А ты думаешь о том, какого цвета шкура зверя и какого оно пола! Ну, не тупица ли?»

Блин! Что делать-то, что делать?!

Так и хотелось нервно хихикнуть: Хьюстон, Хьюстон, у нас проблемы.

Тихо застонав, откинулась затылком на стену, пытаюсь придумать наиболее безболезненный выход из данной опасной ситуации.

Но, увы, так ничего и не придумала.

Вскинув голову, посмотрела на удивительно спокойного зверя.

Почему оно такое спокойное, а? Неужели именно так должен вести себя дикий хищник? Разве они не должны сразу нападать?

И тут же зло подумала:

«А что, ты бы хотела быть уже сожранной, да?»

Тряхнув волосами и застонав от неудобного положения, уселась на колени. Под, хм, как мне показалось, заинтересованным взглядом зверя – бред, не иначе.

Я уже, похоже, двинулась мозгом, — и не мудрено!

Проглотив вязкие слюни, тихо произнесла то, от чего не раз сама стонала, когда в прочитанных мною книгах героиня встречалась вот с такими вот зверями, угу, в фэнтезийных романах. Правда, там было про оборотней... Ну, не суть. В общем, да, билась головой об стену при подобных фразах, но как оказалось, сама не лучше.

Кошмар.

– Хорошая киса. Ты же не будешь есть меня? Я не вкусная.

Правда, правда...

Кошка неожиданно села, обернув длинный, но не слишком пушистый хвост вокруг лап – и я тихонечко завyla от страха, боясь сделать лишнее движение, — заинтересованно повела носом и прыгнула...

Мать его, прыгнула с кровати, вразвалочку, цокая когтями по ламинату, (блин! Айсар меня, ну, или кошку наверняка за испорченный ламинат придушит) шагнула ко мне.

Я сильнее вжалась в стену и уже как-то обреченно, смиряясь, похоже, наблюдала приближение своей собственной смерти.

Но не смогла выдержать такое издевательство над своей психикой, зажмурилась и даже, наверно, перестала дышать, готовясь к смерти.

Молясь, чтобы эта самая смерть произошла быстро и, желательно, безболезненно.

Малодушно, не спору.

Ну, а кто в моей ситуации думал бы по-другому, а?

Но, на мое удивление, судя по дуновению ветерка от ее приближения, кошка остановилась напротив моей тушки и замерла.

Не веря в происходящее, медленно открыла глаза, встречаясь с изумительными, небесного цвета глазами зверя и пораженно раскрыла рот, восхищенно – явно от потекших от

страха мозгов, не иначе, — негромко воскликнула:

– Какая же ты красивая!

Явно проступившее изумление на морде зверя и затем ехидное такое выражение мордочки, заставило меня тихо расхохотаться, — тоже, похоже, от потекших мозгов, — и тоже, от тех самых потекших мозгов, протянуть руку к ее (его, так и не поняла, какого оно пола) лобастой голове, неуверенно уточнить:

– А можно погладить?

Зверь комично округлил глаза, отчего я смешливо фыркнула, и сам подставил под мою руку голову.

Невероятно...

Осторожно провела ладошкой по гладкой, удивительно приятной на ощупь шерстке, легонько почесав за мягким ушком.

Зверь от удовольствия прищурил глаза и громко затарахтел, потираясь об мою ладонь и порывивая. А мои губы сами растянулись в блаженной улыбке.

Но тут произошло такое, от чего не только моя психика не выдержала, а вообще мозг отказывался понимать.

Массивное тело зверя окутала легкая белесая дымка, и моя рука очутилась на взъерошенной макушке... мужчины.

«Твою дивизию!» – пискнуло ошалевшее от шока сознание.

А помертвевшие губы выдали:

– Айсар? Что?..

Тут уже мой потекший от всего произошедшего мозг не смог выдержать такого явного издевательства над собой.

Он мило помахал мне ручкой и отключился, а мое напряженное от ужаса тельце рухнуло прямо в сильные голые руки мужчины и последнее, что я услышала, было задумчивое:

– Похоже, мы поторопились.

Да ладно?!

Глава 9

Айсар

Ночью мне плохо спалось. А точнее, совсем не спалось.

Мысли и глаза то и дело соскальзывали в сторону моей замечательной, вкусной гостыи.

Я и зверь были очень довольны, что наша девочка, хоть еще и не надолго, но останется с нами. А там... Может, получится уговорить ее.

На что?

Сам не мог понять.

Но то, что я собирался и собираюсь остаться с ней на всю свою оставшуюся жизнь, уже даже не обсуждалось.

Она моя!

«Наша», – рыкнул недовольный, что его принижают, зверь, посылая мне мысленные картинки совместного нашего времяпрепровождения с предназначенной нам парой.

«Нашей», – покорно склонил голову, и зверь удовлетворенно заурчал.

Перевернувшись на спину, уставился в потолок.

За эти три дня до того, как меня должен навестить брат, я должен попытаться наладить с Ларой контакт и, желательно, — за это ну очень короткое время — приручить ее к нам.

И... Как-то, наверное, рассказать о том, кто я есть.

Так как она человек – это будет не самая легкая задача.

Очень сложная.

Меня посетила плохая мысль:

«А что, если, когда она узнает о нас, сбежит куда глаза глядят? Не сможет принять? Что тогда?»

Зверь, чувствуя мое мрачное настроение, завозился и недовольно, тихо зарычал.

Шикнув на него, поморщился. В голову вдруг прилетала еще одна не менее неприятная мысль:

«А что я вообще знаю о Ларе? Я даже фамилию ее не узнал, только то, что она из Столицы и ее странное хобби — скалолазание».

Черт!

А что, если у нее и муж имеется?! А дети? Вдруг у нее и дети есть?!

Господи, как я раньше-то об этом не подумал? Как бы так об этом осторожно узнать?

Ладно, все завтра. А сейчас...

Мне очень хотелось увидеть ее умиротворенное сном личико.

Зверь мгновенно подкинул картинку, где я в ипостаси ирбиса лежу в ее сахарных ножках... Может, даже удастся лизнуть, попробовать на вкус гладкую кожу?

Хищно улыбнувшись, перекинулся и грациозной походкой, предвкушая встречу с девочкой, толкнул свою дверь

и, лапой навалившись на ручку двери комнаты своей пары, проскользнул внутрь.

Моя девочка сладко спала, умилительно сопя, подтолкнув в свою промежность тонкое одеялко.

Довольно облизнувшись, медленно, смакуя свой такой маленький триумф от того, как сейчас развалюсь в ее ножках, подкрался к постели и в один прыжок оказался у ее розовых пяточек.

Замер, напряженно всматриваясь в личико своей предначертанной и облегченно выдохнул, когда она даже не шевельнулась.

Только смешно и мило поморщила носик, тихо вздохнув, при этом всколыхнув маленькие, аккуратные грудки.

Идеальные.

Мои.

Для меня...

Свернувшись клубком у ее ножек, протяжно вздохнул и, не удержавшись, с коварной улыбочкой, явно жутко смотревшейся на моей звериной морде, лизнул розовую пяточку. Довольно зажмурился, заурчал.

С-сладкая!

Как я и думал. Уже предвкушаю, как смогу вылизать ее всю...

Но не сейчас, Айсар, не сейчас.

Зверь, гортанно рыкнув от довольства и не теряя времени, подбросил мне сладкие картинки нашего соития, и я, за-

ворочавшись, приструнил его.

Не сейчас!

Обиженно мявкнув, барс успокоился и осторожно улегся между раздвинутыми пяточками Лары, поудобнее устраивая голову.

Сколько мы так пролежали с ним, я не считал. Но примерно несколько часов, усиленно думая и строя планы по завоеванию своей самочки. Опомнился только тогда, когда в комнате стало много светлее.

Вскинув голову, взглянул на окно и уже приподнялся, собираясь выскользнуть в свою комнату, как неожиданно встретился с сонным взглядом светло-серых глазок Лары.

Дьявол!

Застыл, стараясь не делать резких движений и еще больше не испугать нашу пару.

Девушка, осоловело моргнув, широко распахнула испуганные глазенки и... с диким визгом скатилась с кровати, в один миг очутившись в углу, вжалась в него, подрагивая всем тельцем.

Ну вот, испугал.

Приподнявшись, с интересом посмотрел на сжавшуюся фигурку своей пары, стараясь лишний раз даже усами не двигать, принюхался, ощущая страх Лары и... интерес?

– Хорошая киса. Ты же не будешь есть меня? Я невкусная. Правда, правда... – неожиданно пропищала она, осторожно садясь на коленки и настороженно поглядывая на меня.

Удивленно моргнув, сам того от себя не ожидая, спрыгнул с кровати и медленно подошел к зажмурившейся от страха девочке, плюхнувшись напротив нее на пятую точку.

Через несколько минут явно справившаяся со страхом девушка медленно распахнула свои красивые глазки и, посмотрев на меня, восторженно открыла ротик, негромко воскликнула:

– Какая же ты красивая!

«Что?» – изумленно ахнул я, недовольно задвигав усами. – «Красивая?! Да за кого она меня принимает?!»

Склонив голову к плечу, ехидно посмотрел на свою пару, понимая, что признаки моего мужского пола сокрыты не только мраком комнаты, но и хвостом, кончик которого нервно подрагивал.

«Ладно. Потом я ей не раз докажу, что я очень даже сильный мужчина», – чуть не облизнувшись, мстительно пообещал своей паре сладкую расправу.

Она, вдруг осмелев, подалась вперед и замерла с протянутой ладошкой над моей пушистой головой, неуверенно уточнив:

– А можно погладить?

Округлив глаза и чуть не кивнув, подвинулся ближе, подставляя голову под маленькую ладошку, удовлетворенно затархтев от приятных поглаживаний по своей шерстке.

Да-а-а. Кайф.

Но тут неожиданно для самого себя и, явно, для девушки,

произошло то, чем грешат только маленькие котята – оборотни.

Самопроизвольное перекидывание в ипостась.

Девушка, встретившись с моим не менее чем у нее самой ошарашенным взглядом, покачнувшись, выдохнула побелевшими губами, падая в мои распахнутые руки:

– Айсар? Что?..

Замер с обморочной Ларой на руках, задумчиво протянул:

– Похоже, мы поторопились с приходом в ее комнату.

Зверь довольный таким исходом и нашей выходкой, радостно рыкнул, завожившись, подкинул мне картинки того, как наша пара, осознав кто мы есть, принимает нас, и я согласно кивнул:

– А знаешь, ты прав. Может, оно и к лучшему.

Подхватив свою девочку под попку, аккуратно устроил ее на кровати, укрыв одеялом.

Убедился, что девочка, похоже, уснула, не справившись с эмоциями.

Быстро сходил на кухню, заварил себе кофе и, вернувшись, поудобней уселся в кресло, собираясь дожидаться пробуждения предначертанной.

И тайне надеясь на благоприятный исход.

Надеюсь, она все же примет нас.

Я слишком самоуверен, да?

* * *

День первый. Утро

Лара

Проснулась я легко, словно от толчка, и сладко потянувшись, сонно потерла глаза, весело хихикнула, вспомнив свой глупый сон.

Надо же, какая чушь приснилась.

Нет, точно пара заканчивать читать всякую фэнтези-хрень.

Большая белая кошка, здесь — в моей постели. Вот откуда это, а?

Явно же привет от прочитанных мною книжечек про огромных медведей-мужчин, имеющих вторую звериную личину, а еще лисов и обязательно — волков.

Н-да уж. Но вот огромным кошкам-то откуда было взяться? О таком я еще не читала.

Мало того, что просто кошка, так еще и очень умная, все, раз таки так, понимающая.

Бред и только.

Похихикав, распахнула глаза и вздрогнула, встретившись с голубыми, как холодное море, глазами Айсара, сидящего в кресле напротив моей кровати и внимательно так смотрящего на меня.

Сон мгновенно встал перед глазами. У той кошки тоже были голубые глаза, как... у Айсара.

Хм. Неужели такой бред приснился именно из-за этого мужчины?

Мысленно похихикала: «Если Айсар узнает, кем он мне приснился, наверняка придушит».

Но что он делает в моей комнате?

Мужчина молчал, продолжая сверлить своими отчего-то потемневшими до синевы, но такими прекрасными глазами, а я, вспомнив, в каком виде сейчас перед ним нахожусь — растрепанная, наверняка с отпечатком подушки на лице, — передернула плечами, внутренне ежась.

Вот блин! И почему перед этим красавчиком вечно предстаю в таком нелицеприятном виде, кошмар, Лара! Вот точно: после такого он на тебя даже и не посмотрит с мужской точки зрения.

Блин!

Подтянув одеяло до подбородка, прохрипела:

– Доброе утро. А ты чего так рано проснулся?

Поморщившись от звука своего голоса, вопросительно посмотрела на все еще молчавшего мужчину.

Вздохнула, придерживая одеяло, привстала на колени, оперлась на стену, поудобнее усаживая свои нижние девяносто.

А то как-то не комильфо.

Я лежу почти в чем мать родила, и такой same... кха-кха,

мужчина напротив.

– Доброе утро, – отмер Айсар. – Уже десять часов утра, я ждал твоего пробуждения. Что будешь на завтрак?

– Десять утра? – ахнула, кубарем слетела с кровати, не обращая внимания на ослотившийся от моего почти обнаженного вида взгляд мужчины, понеслась в душ, крикнув: – Я буду кушать все, что ты мне предложишь.

Заскочив в ванну, хлопнула дверью и услышала веселый смешок мужчины, покраснела и, мысленно себя обругав, скинула майку, встала под теплые струи воды, успокаиваясь.

Ополоснувшись и приведя себя в порядок, осторожно выглянула, убеждаясь, что в комнате одна.

Достала из шкафа защитный костюм, мысленно, и не только, морщась — в нем будет немного жарко, но, увы, другой одежды у меня не было.

Не в майке же Айсара ходить.

Нет, на такое я точно не отважусь.

Заплела обычную косичку, скрутила на кончике узелок. Достала мобильный, раздосадовано застонав.

Заряда почти не осталось. Блин!

Запорхала по кнопкам, вызывая на разговор матушку и надеясь, что таки успею с ней поговорить.

Мама ответила со второго гудка, сразу же заголосив, отчего я сморщила морщину и отвела телефон от уха:

– Илария Котикова! Где тебя волки носят?! Ты почему мне не позвонила, а?! Как ты?

Тяжело вздохнув, ответила:

– Я в порядке. Не беспокойся. Телефон разрядился, – немного подумав, добавила: – Да еще и со связью здесь плохо. Расскажи лучше, как ты там? Как Алинка?

Мама проворчала ругательство и уже спокойней ответила.

– Мы нормально, но, Лара, твоя подружка тебя точно убьет. Она звонила тебе даже больше, чем я. А вчера вечером уже грозилась поехать в Ранйск и надрать тебе твою, – она тихо хихикнула, – задницу.

Я сглотнула. Н-да, Алинка могла.

Мотнув головой, перевела тему, осторожно спросив:

– А как там представители вражеской стороны?

– А что с ними будет? – буркнула маман. – Ходят тут, документы потрошат да мило улыбаются. Тьфу.

Телефон угрожающе пискнул, и я решила по-быстрому закруглить разговор:

– Ладно, мам. Батарея садится, зарядю, позвоню. Хорошо?

– Обязательно! – она понизила голос. – С тобой точно все хорошо?

– Да, – ответила с улыбкой в голосе. – Ну, все, мне пора, целую. Алинке привет. Позвоню ей, как только смогу.

Мама пробурчала что-то в ответ, но я ее уже не слышала, так как телефон окончательно разрядился и погиб, а я, вздохнув, откинула его на кровать, мысленно себе пометила: уточнить у Айсара про зарядку.

Спустившись на первый этаж, степенно вошла в кухню и сразу же столкнулась с безмятежным взглядом мужчины, сидевшего за столом и потягивающего терпкий бодрящий напиток.

На столе уже дымились яичница и тосты, а также чашечка кофе.

Присев напротив Айсара, робко улыбнулась.

– Спасибо за завтрак. Мне приятно.

– Не стоит, – кивнул он и спокойно добавил, внимательно смотря мне в глаза: – Я должен ухаживать за своей женщиной. Это моя обязанность.

Вздрогнула от его слов, а моя челюсть наверняка уехала под стол, как и брови — к затылку.

Боясь, что неправильно услышала или поняла, тихо переспросила:

– Что? Твоя кто?

Мужчина улыбнулся краешком губ.

– Ты правильно услышала, Лара.

Ахнув, округлила глаза.

Я что, до сих пор сплю?!

Но болезненный щипок не дал усомниться в реальности этого утра.

Папочки – мамочки. Это что такое тут происходит?

Неверяще захлопав глазами, широко их распахнув, уставилась на невозмутимого мужчину, не понимая, что он такое

несет? Какая-токая его женщина?!

Не то чтобы я была против. Но, согласитесь, звучало это, мягко говоря, странно.

В голове промелькнула разумная мыслишка, почему-то отдававшаяся в моей душе горечью и пониманием: «А, может, у Айсара бред? Может, он заболел? И не мудрено — ходить на улицу, в Ранійске! В одной майке. Я видела!»

Серьезно подумав над этим, кивнула и, поднявшись, пошла к удивленно изогнувшему брови мужчине, приложила к его лбу ладошку, задумчиво пробормотав:

– Хм, жара нет.

Айсар заинтересованно подался вперед, неожиданно обхватил мою талию руками и притиснул ближе, усадил на колени, вкрадчиво уточнил:

– А что ты делаешь?

– Проверяю наличие у тебя температуры. Ты, наверное, заболел, – бесхитростно ответила, смущенно заглянув в голубые, ясные глаза.

И, поерзав, но услышав над ухом тихий рык, замерла, но что удивительно — не испугалась.

Айсар, немного помолчав, ухмыльнулся.

– Нет.

Я растерянно хлопнула ресницами. Нет? А что тогда? Ну, не может быть такого, чтобы этот шикарный мужчина заинтересовался хоть и симпатичной, но совершенно обычной мной.

Или... может?

Недоверчиво покосившись на спокойного мужчину, задумчиво просканировала его взглядом.

– Скажи, а что тебе снилось? – вдруг спросил он, с теплым интересом поглядывая на мою растерянную, недоверчивую мордашку.

Захлопав глазами, удивленно посмотрела в его голубые, хитро прищуренные глазищи, вспоминая свой сон и кошку с такими же, как у этого мужчины, глазами.

И то, о чем я вдруг подумала, заставило меня усомниться в своей адекватности.

Тряхнув волосами, вырвалась из объятий мужчины, спрыгнула с колен и, отойдя на несколько шагов, пискнула:

– Ничего, – откашлявшись, добавила: – Совсем ничего.

Айсар скептически выгнул брови и усмехнулся:

– И никакие кошки, – на последней букве слова кошки он сделал особое ударение, отчего мои щеки покрылись легким румянцем. – Не снились?

Рухнув на диванчик, потупила глаза, пролепетав:

– Нет.

– Понятно, – с усмешкой протянул этот невозможный очаровательный мужчина.

Вот что он такое мне хочет сказать, а? Что мне тот бред не приснился?! Но такого не может быть. Это нереально!

– Покушай. После мы все обсудим.

Мужчина ближе подвинул ко мне тарелку с чуть остыв-

шей яичницей и откинулся на спинку стула, сложив руки на груди.

Сглотнув, посмотрела на пышную глазунью и скривилась. Appetit как-то пропал. Но покушать было нужно.

Завтрак я не пропускала никогда.

Повздыхав, взяла тост и откусила кусочек, стараясь ни о чем серьезном не думать, а то подавлюсь еще.

И о, хм, котях всяких, тем более.

Опасно, знаете ли, думать о таком, для моих и так не шибко крепких нервишек.

Впихнув в себя несколько тостов и даже кусочек яичницы, запила их кофе, оставила от себя тарелку и заинтересованно посмотрела на безмятежного мужчину.

Всем видом давая понять, что я готова к разговору.

Но, по обыкновению, вскоре поняла, что готова-таки я была не ко всему.

Совсем не ко всему.

Блин!

Ну, Лара, как так-то?

Глава 10

Глава 10

[Шокирующая новость]

– Лара, – обратился ко мне Айсар, серьезно заглянув в глаза, отчего я невольно замерла, уставившись на мужчину, как кролик на удава. – Ты читала когда-нибудь фэнтези?

– Про оборотней? – ляпнула, мысленно надавав себе жгучих пощечин.

Ну, какие оборотни, а?

– Да, – неожиданно кивнул мужчина. Seriously так кивнул. – Про оборотней. Чаще всего, насколько я знаю, пишут о волках. Так читала?

– Читала, – осторожно, словно иду по минному полю, ответила. Невольно отодвинувшись на стуле и напряженно глядя в лицо уж слишком серьезного мужчины.

В груди засвербело от нехорошего такого предчувствия.

– Что ты хочешь мне сказать, Айсар? – не выдержала, нервно воскликнув. – Что?

– А про пары в твоих романах писали? – не переставал допытываться мужчина вкрадчивым таким голосом. – Истинные пары.

Все, похоже, у меня точно поехала крыша.

Нервно расхохотавшись, ответила, вытирая слезы:

– Да, такое там пишут. Пары... И только одна-единственная для оборотней. Которая, – ехидно припечатав, – тоже оборотень.

Я с вызовом посмотрела в голубые глаза, зная, что я-то точно человек. И что бы ни хотел сказать этот очаровательный, но, похоже, свихнувшийся, как и я сама, мужчина, не понимала. Но догадывалась.

Неужели такое может быть на самом деле?!

Не верю!

Нет и нет!

– Может, Лара, – словно прочитав мои мысли, спокойно ответил Айсар, слабо улыбнувшись. – Может. И я тому подтверждение. И даже больше скажу: таких, как я, достаточно.

– Каких таких? – нервно усмехнулась. – Оборотней?

– Да. И я нашел тебя, моя девочка. Ты моя пара.

Папочки!

– Но я же человек! – воскликнула, скептически посмотрев на этого... оборотня!

Нет, ну. Что за бред?!

Хотя, если вспомнить ту кошку и хоть на секунду подумать, что это не сон...

Мама дорогая. То напротив меня сидит... кошка. Большая такая кошка, а точнее кот!

Кошак белобрысый!

Блин, кажется, я попала. Дочиталась-таки фэнтези...

– Человек, – кивнул Айсар, отпив глоток кофе и не обращая на мою панику никакого внимания. – Редко, но такое бывает, что предначертанной парой оборотня становится человек. Но, видишь ли, в чем дело: у пары оборотень-человек всегда рождается оборотень. Поэтому то, что ты человек, не имеет значения.

– Стоп, стоп, стоп, – округлив глаза, воскликнула, выставив ладони. – Какой такой ребенок?! Мы с тобой только вчера познакомились! Да ты... Да я!

Я подавилась воздухом и, закашлявшись, возмущенно посмотрела на невозмутимого и такого довольного собой мужчину.

– Только вчера, – согласился он. – Но и котят мы будем делать не сейчас.

Котят?!

Остановите землю, я сойду!

– Но если ты хочешь, – он хитро прищурился, окинув маленькую меня с ног до головы, и облизнул припухшие губы, отчего меня кинуло в жар, а внизу все намокло. – Можем заняться этим вопросом и сейчас. Я не против. И очень даже «за»...

– Нет! – с паникой вскрикнула, подпрыгнув на стуле. – Даже и не думай!

Мы замерли, сверля друг друга глазами.

Я — напряженными и возмущенными, он — обещающи-

ми и жаркими.

Я не выдержала первой, села обратно и, сердито засопев, залпом выпила остывший кофе.

– Так, хорошо, – вздохнула, смиряясь со всем... этим вот. Тем более Айсар мне очень нравился как мужчина, что уж тут. А если припомнить все, что я читала про те самые пары. То мне повезло. Сильно. Но об этом я подумаю после. Одна. Однозначно! – Ты расскажешь мне? Ну, о себе? Про пары эти, и вообще, все!

Айсар недоверчиво покосился на меня, но кивнул:

– Конечно. Что бы ты хотела узнать?

Я тоскливо взглянула в окно на чудесную, заснеженную погоду и робко попросила:

– Может, прогуляемся? На воздухе это как-то будет легче перенести.

Айсар задумчиво проследил за мной взглядом, покорно кивнул.

Мужчина попросил немного подождать, пока он оденется и, дождавшись моего согласия, плавно упорхнул, оставляя меня одну.

А я, тихо застонав, закрыла руками лицо, яростно его потеряв.

Приехали.

У меня будет парень, а со временем — муж – кот. Какой ужас. И дети котят.

Мама дорогая!

Кстати, а какая у него все-таки, как его... Блин! Снова забыла, дырявая голова! Ну, этот, облик второй.

А, ипостась.

* * *

День первый. Вечер

Мы с Айсаром довольно-таки долго гуляли по заснеженному парку, хм, а, точнее сказать, не парку – местности.

Да, так, наверное, правильной будет.

Ну, сами подумайте – какой тут может быть парк, м-м?

В ближайших окрестностях домика, что снял Айсар, были расположены еще несколько домиков, которые явно в данный момент пустовали, ибо свет мы в них не заметили. Также виднелась та самая, моя, гора — Альтарина. Снег, еще снег... О, сугробы, и... больше ничего.

Так, о чем это я? А! Гуляли мы с Айсаром – оборотнем, мама дорогая, до сих пор поверить не могу, — долго.

Он негромко, но хорошо поставленным голосом рассказывал о своей жизни, семье и – тут я сглотнула, — кем он на самом деле является.

Папочки!

Мой парень и, скорее всего, в будущем – муж – и тут я тоже сглотнула, а мозг едва снова не помахал ручкой, но, благо, обошлось, — оказался, твою же дивизию, снежным барсом.

Ирбисом, по-другому.

Вот это мне повезло. Вот это мне подфартило!

Что, Ларка, хотела настоящего мужчину?

Покосившись на мирно шагающего-скользящего рядом мужчину, недоверчиво покачала головой.

Получите и распишитесь!

Айсара желторотым юнцом ну никак не назовешь. Мужчина, не иначе.

Причем с большой такой буквы.

Эту самую большую букву я успела конкретно так прочувствовать, когда, случайно поскользнувшись, чуть не сделала градусник в сугроб.

Кто не знает, что такое зимний человеческий живой градусник, поясню – это когда мальчишки или даже иногда и девчата, в общем – гопота, в издевательской шутке измеряют "температуру" снега человеком, угу, головой в сугроб.

Да, да, испытанно лет так в четырнадцать на себе.

Сомнительное удовольствие.

Ой, что-то я отвлеклась.

Так вот, успела прочувствовать всю мощь комиссарской, а точнее Айсаровской мужественности, когда чуть случайно не сделала выше упомянутый градусник.

Но мой котик-парень-будущий-муж успел меня подхватить, быстро выровняв на себя мое тело, которое и прижались (случайно!) к большому и почему-то приветливо поднявшемуся достоинству вроде как моего мужчины.

И я обнаружила занимательную вещь – мать твою, да я,

оказывается, краснею не меньше Алинки!

Айсар подтвердит! Он наглядно увидел мое смущение и позор.

Эх, Ларка.

Как еще оказалось, Айсар с северной части нашего мира. И вся его немаленькая семья — ну, там не совсем семья, то, как объяснил мужчина, по описанию было больше похоже на племя, — живет обособленно. В такой большой деревеньке-городке, и каждый житель все про всех знает, помогает, когда нужно и... не нужно.

В общем, как и сказал мой ирбис – папочки, я когда-нибудь привыкну? – большое оборотническое племя-деревня.

Также он вскользь пообещал — господи ты боже мой, — меня с ними всеми познакомить.

Услышав такое обещание, порядком так струхнула. Шокировано округлила глаза, малодушно пропищав:

– А, может, не надо?!

Но сам Айсар, к счастью, этого не услышал. Он же не умеет мысли читать? Не умеет же?!

Надеюсь, что нет.

А то это было бы очень неловко. Он мне тут про семью, а я неблагодарная...

Лара, Лара.

Прогулявшись вдоль горы, на которую смотрела уже без прежнего восторга (не знаю почему, может, перегорела после падения? Мозги на место встали?), мы повернули обрат-

но в сторону нашего домика и я, набрав в грудь побольше воздуха, на выдохе выпалила:

– Айсар, а ты покажешь мне своего зверя?

Мужчина от неожиданного вопроса сбился с шага и изумленно, но с какой-то затаенной надеждой посмотрел мне в глаза:

– Ты уверена? Мой зверь своенравный.

Растерявшись от ответа, ляпнула:

– В смысле своенравный? Он может меня покусать? Обидеть?

Айсар подавился воздухом и возмущенно округлил глаза:

– Нет, конечно! Как ты могла такое подумать, Лара?! Ни я, ни мой барс никогда не причиним тебе вред. Ты наша предначертанная. Мать наших будущих котят.

Ну, про котят – это, конечно, он зря сказал. Рано как-то об этом думать. Рано, сказала!

Ох, а про котят-то стоит с ним потом отдельно поговорить.

Да как он вообще думает, я смогу их родить?! Они же там, наверно, шерстяные будут. Я же не кошка!

Хотя, стопэ, Лара, человечки в фэнтези же как-то рожали и...

Двойное стопэ, Лара! А то сейчас накрутишь себя. Успокойся. Просто, как и решила, на эту тему надо будет серьезно поговорить и все выяснить непосредственно у мужчины, а не додумывать невесть что.

Кивнув себе, смущенно опустила глаза, тихо ответив:

– Ну вот, ты сам сказал, что твой зверь не причинит мне вреда, значит, все будет хорошо.

Айсар еще несколько минут напряженно всматривался в мое безмятежное лицо – это хорошо, что он не видел моих подрагивающих рук за спиной, — а затем, широко улыбнувшись, кивнул.

– Ну, смотри, Лара, сама попросила.

И не успела я моргнуть, как передо мной уже стоит не Айсар, а большой снежно-белоснежный котик, который, не потерявшись, мигом подошел ко мне и потерся лбом о колени.

Ни капли не испугавшись, хотя чего мне пугаться – это же мой мужчина, хоть и в шикарной шкурке сейчас, подумаешь, — опустилась на корточки и осторожно провела по подрагивающим меховым ушкам, глупо улыбаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.